

Александр Афанасьев

ДАЛЬШЕ ЖИВУТ
ДРАКОНЫ

Александр Афанасьев

Дальше живут драконы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69239641

SelfPub; 2023

Аннотация

Я начал писать эту книгу про мир, где над Россией, над Российской Империей не свершился сатанинский эксперимент большевизма, не началась гражданская война, вдребезги разбившая наше общество на озлобленные осколки целого, и продолжающаяся по сей день. Я начал писать про этот мир, в том числе и с надеждой на то, что может быть – кому-то мои строки подскажут – мир добра существует, его можно построить, создать. Только для этого надо сперва прекратить воевать друг с другом, ведь вместе – мы сильнее, чем порознь.

Содержание

От автора	4
Пролог. Гонконг, Юго-Восточная Азия. Специальная административная территория – протекторат Ее Величества, Королевы Английской. 11 мая 1978 года	7
Гонконг, район Ванчай. Здание Ван-Билдинг, последние этажи. Офис страховой компании «Глобал Иншуранс Ре». 11 мая 1978 года	27
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Александр Афанасьев

Дальше живут драконы

От автора

Много лет назад я прочитал приключенческую повесть, написанную Олегом Верещагиным, называющуюся «Прямо до самого утра или секрет неприметного тупичка».

Эту повесть, написанную про мальчишек и для мальчишек, я советую прочитать всем, в том числе и взрослым. Она написана в духе такого «фантастического попаданчества», где главный герой, мальчишка, попадает в другой мир, но не становится главным советником Сталина и не переписывает на белом историю России двадцатого века – чем сейчас грешат многие писатели, которые уж точно знают, как надо. Этот мальчишка, спасая своих друзей, попавших в другие миры не по своей воле, он идет за ними и попадает... даже в несколько миров, по очереди. Но в каждом из них он и его друзья проявляют те человеческие качества, какие, к сожалению уже редко встречаются – смелость, верность, честность, отвага. Это все – уже встречается в нашем мире с кривой усмешкой и недоверием – но это есть. По крайней мере – должно быть.

С последнего мира, описанного в этой книге автором – начался цикл «Время Империи».

Мир Олега Верецагина – если и не абсолютного добра, то чего-то близкого к этому. Это мир с огромным мостом, соединяющим Крым с Большой Россией, с экскурсионными дирижаблями и летающими платформами, с огромной площадью в центре Севастополя – Площадью Двух Оборон. И в этом мире – в городе Севастополе бегают мальчишки, которые знают, что это – их город, и их Империя, и с ними – ничего плохого не случится...

Я начал писать про этот мир как про мир, где над Россией, над Российской Империей не свершился сатанинский эксперимент большевизма, не началась гражданская война, вдребезги разбившая наше общество на озлобленные осколки целого, и продолжающаяся по сей день. Я начал писать про этот мир, в том числе и с надеждой на то, что может быть – кому-то мои строки подскажут – мир добра существует, его можно построить, создать. Только для этого надо сперва прекратить воевать друг с другом, ведь вместе – мы сильнее, чем порознь.

Этой книгой – я хочу решить сразу три задачи. Первая... один из моих читателей приватно спросил меня – займусь ли я более ранними годами... шестидесятыми, семидесятыми, восьмидесятыми. Это будет книга именно об этих годах – о страшном и неоднозначном времени, когда мир потихоньку скатывался ко Второй мировой войне – только

не в Европе, а в Азии. Вторая ... я хочу посмотреть, получится ли у меня достоверно описать мир подростков, живущих в Российской Империи, посмотреть, так сказать, на мир глазами подростка. Это не так просто, как кажется – не каждый взрослый способен сохранить этот взгляд. Более того – я хочу усложнить задачу до предела, попытавшись создать книгу, которая будет интересна и взрослому и подростку – людям с принципиально разными взглядами на жизнь.

Ну и третья задача ... подарить вам, читатели, еще одну книгу цикла «Время Империи». Как я с этим справлюсь – решать вам.

А «Прямо до самого утра...» прочтите. Не пожалеете.

...

Часть 1

Но рано нас равнять с болотной слизию!

Мы гнёзд себе на гнили не совьём!

Мы не умрём мучительною жизнью!

Мы лучше – верной смертью – оживём!

Владимир Высоцкий

Пролог. Гонконг, Юго- Восточная Азия. Специальная административная территория – протекторат Ее Величества, Королевы Английской. 11 мая 1978 года

Гроыхнул гром. Словно башенный залп линкора Императорского Флота «Ямато» – его раскат сотряс воздух, многократно отразился от стен высотных, увешанных световой рекламой домов, и медленно растаял в предгрозовом, жарком воздухе, оставив после себя лишь томительное ожидание теплого, летнего дождя...

– Дождь будет, а, мистер! – Ба, водитель гонконгского такси, показал на высокий потолок своей машины, косясь на пассажира такси, спокойно сидящего на заднем сидении. – Надо бы переждать, где-нибудь, а? Дождь сильно-сильно. Мокро – нехорошо. У Ба есть знакомые девочки, совсем чистые, сифилис – нет. Хорошие китайские девочки, да, мистер. Или если мистер желает, то мы можем свернуть, тут совсем недалеко, и...

Пассажир достал купюру в десять гонконгских долларов,

бросил на сидение:

– Ничего не нужно, поехали дальше...

Ба с ловкостью ящерицы, ловящей муху, сгреб купюру.

– Как мистер желает... – чуть обиженно сказал он.

Ему начинал не нравиться пассажир, которого он подобрал в аэропорту. Явно американец, прилетел рейсом из Сан-Франциско, да и по лицу видно – американец. Белый господин, но не такой, как британцы, хозяева Острова. Видимо, прилетел в поисках приключений... Американцы часто так делают, у них законы совсем плохие. Нехорошие законы, да. За несовершеннолетнюю девочку – в тюрьму, за курение опиума – в тюрьму. Вот американцы и ездят сюда, развлекаются, как могут – как раньше в Сайгон ездили. Ба и в Сайгоне бывал, знает, что там к чему. Теперь остался только Гонконг – врата Азии, город на стыке двух миров, который британские господа и не пытались покорить по-настоящему: того, что китайцы лицемерно подчинялись им в незначимых вещах, их вполне устраивало. Здесь все можно. Только американцы обычно шумные, веселые. А этот молчун, и что-то странное в глазах. Хотя фотоаппарат на груди – как у настоящего американца.

Ба не просто так беспокоился о пассажире. Это только на Западе таксист – он таксист и есть. А тут... Ба знает, что к чему. Он и с миссис Во, владелицей домов терпимости в доле и всех хозяев опиумных курилен знает. Те деньги, которые американец заплатит ему за проезд – это тьфу! Хотя и

заплатил он уже изрядно... третий час по городу крутимся. Но вот если ему удастся завезти американца в бордель или опиумную курильню... там его обдерут как липку, и во всем – будет его доля. А вы как думали? Гонконг – богатый город, он так и стал богатым. А у Ба семья, одиннадцать человек, ей помогать надо. Да и машину не грех сменить. Нет... все таки странный американец, странный. Например – все нормальные люди, когда фотографируют, просят машину остановить или фотографируют через открытые боковые окна. А этот – так и норовит сфотографировать то, что у них сзади, за багажником. И что он, спрашивается, там нашел?

Странные дела...

...

Капитан первого ранга Российского, Его Императорского Величества Флота, временно приписанный к разведотделу Тихоокеанского флота, Владимир Воронцов рассеянно улыбаясь, но на деле подмечая все, до последней мелочи – в этот момент снова посмотрел назад в видоискатель фотоаппарата. Никто, похоже, не привязался... так оно и лучше. Город он знал плохо, совсем не так, как следовало бы его знать, если придется рубить хвост. Нет... конечно, он изучал карту города, запоминал названия улиц, контрольные точки, назначенные американцами, возможные пути отхода. Но карты – это одно, а реальный город, с его реальной жизнью на улицах – это совсем другое. Тем более, если этот город Гонконг. Такси притормозило в очередной пробке, водитель раз-

драженно выругался и наколотил кулаком по клаксону, проклиная только вчера купивших машину крестьян. Пора!

...

– Да что же это такое... Скотина, тебя мать от быка родила! Видите, мистер, что делается! Настоящий...

Ба взглянул в зеркальце, специально установленное в салоне так, чтобы видеть пассажира – и поначалу не понял, что не так. Только через несколько секунд он понял – пассажира нет!

– Мистер, вы где?.. – глупо спросил Ба.

Но обернувшись, увидел на сидении только купюру в сто гонконгских долларов.

Чудеса...

...

Его звали Ли – но это было не его имя. Ему было все равно на него: люди должны были, как-то к нему обращаться, как-то его называть – и это имя было ничем не хуже других. Было у него и другое имя – но никто, кроме таких же, как он, не понял бы, что оно означает. Ведь языка, придающего беспорядочному набору звуков положенный смысл, не существовало. Считалось, что последние его носители погибли во время Токугава бакуфу¹, когда, опасаясь смерти, приходившей на кошачьих лапах, сегуны из рода Токугава посылали на остров Хоккайдо, самый крупный и самый северный остров Метрополии одну карательную экспедицию за другой,

¹ Сегунат Токугава в истории Японии, 1603-1868 годы.

чтобы истребить носителей смертельного знания и избавиться от страха, приходящего в самые темные ночи в замки в Киото и Эдо². Этот язык относился к группе северных диалектов и его по неизвестным причинам никто не изучал.

Он давно научился жить в больших городах и не испытывал страха ни перед чем – ведь умение слиться со средой, стать таким же как и все – было неотъемлемой частью учения смерти. Смерти, приходящей на кошачьих лапах³...

Сейчас он был одет как крестьянин, пришедший в город, чтобы наниматься на работу: бедно, но чистенько, так чтобы понравиться белому человеку, хозяину. Ночью – он добрался до аэропорта и несколько часов ждал, пока не прибудет человек, которого он ждал. Потом – он пошел за гайджином до стоянки такси, запомнил машину, в которую он сел – а сам бросился к автобусу, который отъезжал в город и привычно забрался на его крышу, где были установлены газовые баллоны. Он сделал это так быстро и незаметно, что никто не видел, как он это сделал. Но если бы и увидели – он был не более чем китайским поденщиком, у которого нет денег на билет.

Прямо в дорожном потоке – он перепрыгнул на крышу грузовика, едущего в одном и том же направлении, что и так-

² Старое название Токио.

³ Это способны понять только японцы. Кошка – по-японски нян, она мяукает как нян-нян-нян. Нян – один из вариантов произношения иероглифа Ни что значит – два. Ни, Нин – то же самое, что иероглиф «нин», скрытность – первый в слове – ниндзюцу. Ниндзюцу переводится как искусство скрытности.

си: он не был дикарем и мог воспользоваться автобусом нормально или даже нанять такси – но он не был уверен в том, что его не запомнят. Потом – такси въехало в город, скорость его движения резко упала – и он спрыгнул с грузовика и побежал. Так он и бежал за такси, передвигающимся от пробки к пробке – больше часа, не испытывая ни грамма усталости. Это не было сложно для него – его предки могли бежать всю ночь, потом день, а потом еще одну ночь со скоростью спасающегося от охотников оленя. Он сам – так уже не мог. Впрочем, его учитель рассказывал ему о том, как один лекарь заметил, что женские лекарства, ранее лечившие только женщин – теперь подходят и для лечения мужчин. Это было прискорбным свидетельством упадка в обществе...

Таких как он в Китае называли «ванг», что означало – кара, несчастье, бедствие. Ему было все равно то, как его называли. Как и то, какие бедствия он приносил – его учили быть верным лишь клану и подчиняться приказам. Ни больше, ни меньше...

Когда такси остановилось, и гайджин вышел – он уже был рядом, простой крестьянин, приехавший в благополучный Гонконг из нищей китайской деревни, чтобы наниматься на поденную работу. Никто не обращал на него внимания больше, чем на бродячую собаку. Гайджин пошел в питейное заведение... видимо, там будет встреча, или что-то в этом роде. Ему не приказывали узнать, с кем именно. Выклянчив несколько монет у прохожих и получив, в конце концов, пин-

ка – он скрылся в переулке, потирая ушибленное место: его глаза уже присмотрели как минимум два места, где он может ожидать гайджина, оставаясь незамеченным...

...

Бар находился, как это и было принято в Гонконге, – не на самой улице, а в проулке, туда вела грязная, вонючая дорожка, заваленная мусором, гниющими пищевыми отходами, на которые китайцы совершенно не обращали никакого внимания. Гонконг находился на стыке двух миров, Востока и Запада, цивилизации и варварства. Асфальтированные англичанами дороги и здания-муравейники в двадцать этажей, построенные англичанами, здесь соседствовали с крысами, кучами мусора и трущобами, а меньше чем в миле от знаменитого отеля «Раффлс», одного из лучших в мире – была опиумокурильня, тоже одна из лучших в мире, где отдали Богу душу немало любителей приключений. В последнее время Гонконг сильно разросся, строились новые небоскребы, город занимал одно из первых мест в мире по количеству «Роллс-Ройсов». Виной всему был легендарный «золотой треугольник». Место в горах, куда почти невозможно добраться, там несколько генералов затеяли свой бизнес на широкую ногу. Выращивание опиумного мака – но не на опиум. Теперь – «звездой экрана» был наркотик нового поколения, первоначально созданный как лекарство, а теперь все более и более успешно вытесняющий опиум. Для опиума нужна была трубка, кровать, опытный служитель – для этого

же нового наркотика нужна была только столовая ложка и шприц. И если опиумный наркоман хоть как-то мог держать себя в руках – то новый наркотик буквально за несколько приемов вызывал абсолютное привыкание. Имя новому наркотику было – героин.

Название бара тоже было самым обычным для этих мест – «888». Три восьмерки, по верованиям китайцев число 8 – счастливое, три восьмерки обозначает абсолютное счастье. Само название этого места – бар – было слишком громким для этой дрянной забегаловки, в нем обедали кули – носильщики, торговцы с соседнего рынка, местные бандиты и тому подобная шушера. Европейцев здесь не то, чтобы не жаловали, – просто они сами в такие места не ходили. За исключением тех, кто жаждет острых ощущений. Они и получали их – часто больше, чем рассчитывали.

Белый европеец чуть наклонился, входя в помещение – вход был явно рассчитан на местных, низкорослых жителей...

Внутри было шумно, накурено, как и в других подобных заведениях по всему миру. Пахло куриной грудкой, свиной, приправами. Приправы здесь были двух видов: острые и глютамат натрия. Первая свидетельствовала о том, что народу с такой кухней приходилось часто есть несвежее, тухлое мясо, омерзительный вкус которого маскировался ударными дозами острых приправ, а глютамат натрия – это специфическая особенность современной восточной кухни. При-

думали японцы... Такая дрянь, кладется во что угодно, и так действует на вкусовые рецепторы, что даже самое неприятное по вкусу блюдо кажется вкусным и хочется есть еще и еще. Эта приправа распространялась везде, кроме самой Японии... японцы много чем осчастливили этот мир, в числе прочего – шестнадцатью годами Второй Тихоокеанской войны, сейчас временно затихшей. Но капитан первого ранга Воронцов считал, что ничего не закончено – и у него были все основания так считать. И капитан Воронцов старался не употреблять блюда, имеющие китайское происхождение – как бы заманчиво они не выглядели...

Хозяин сего почтенного заведения, высокорослый для китайца метис с черной косичкой и сильными, с набитыми костяшками руками – лично подошел принять заказ у нового посетителя, которого никто никогда здесь раньше не видел. К новым посетителям он всегда подходил сам – чтобы определить, настолько они опасны, сколько денег есть в их карманах и не стоит ли сообщить о них куда следует... отнюдь не в полицию. В этом городе, освещенном ядовитым светом рекламных огней бетонном муравейнике – даже стены имели уши, а люди – пропадали среди бела дня в самых благополучных районах. Это давно была не колония Британии, и британцы давно не контролировали здесь ситуацию – только делали вид.

Кстати, три восьмерки на вывеске заведения – один из признаков принадлежности хозяина к мафии. Далеко не

каждому разрешат держать такую вывеску...

– Три восьмерки приветствуют вас, таши, – сказал метис на приличном английском, – надемся, вы будете нашим постоянным гостем. Что желаете заказать? Один напиток за счет заведения.

Непроницаемо черные узкие глаза смотрели на незнакомца, будто впитывая его. Одет как американец – но совсем не из таких. Что-то не позволяло хозяину заведения определить гостя как типичного гуилао⁴ – оттого и обратился он к нему уважительно – таши. Таши, кунгфу таши – мастер боевых искусств, в которых и хозяин заведения знал толк – по крайней мере, хулиганы, так и норовящие вывернуть мульду с мусором или исписать стену, а то и витрину непотребщиной, обходили три восьмерки десятой дорогой...

Хозяин видел, как новый гость двигался и оценил, как он сел. Спиной к стене и рядом с дверью, ведущей в туалет, в туалете окно – выбил и был таков. Гость был опасен.

– Циндао⁵ – сказал гость – холодное, прямо из холодильника, бокала не надо. И... что-то соленое. Закусить. Пока все.

Метис утвердительно кивнул.

– Английские армейские крекеры устроят почтенного та-

⁴ Иностранец. В материковом Китае имеет хождение слово «лаовей», обозначающий то же самое.

⁵ Самая распространенная марка пива в Китае. Ставили немцы – но китайцы упростили технологию, кроме ячменя стали добавлять в сусло рожь и овес. Крепче чем классическое пиво.

ши?

– Вполне.

Метис отошел к барной стойке и вернулся с требуемым. Видно было, что персонал он вышколил – подчинялись с полуслова, требуемое появилось в мгновение ока.

На столе уже лежала бумажка в десять гонконгских долларов

– Я предпочитаю платить за хорошее обслуживание... – иностранец кивнул на банкноту

Метис поставил бутылку и тарелку с крекерами на стол, впился глазами в руки клиента. Это была хитрость – пиво было закрыто, причем на пивоваренном заводе в Циндао, построенном немцами – закрывали крепко. Если гость попросит нож, или ...

Иностранец легко, почти шутя, открыл бутылку указательным и большим пальцем правой руки. Пальцы у него были длинные и сильные, как у...

– Приятного аппетита – хозяин на мгновение склонил голову – если что-то еще будет нужно, только позовите...

Весьма обеспокоенный хозяин заведения – его, кстати, звали Ши – нырнул за стойку, хлопнул по плечу бармена, намекая на то, что некоторые время ему придется справляться одному. Потом – ловко, как обезьяна пролез в люк под баром – за баром был отгорожен небольшой кабинетик для него, где помимо прочего хранился дробовик двенадцатого калибра и старый пистолет – пулемет Томпсона. В этом ка-

бинете был только один вход и один выход – вниз, в канализацию. Так можно было спастись при появлении полиции...

Ши подвинул к себе старомодный телефонный аппарат с дисковым набирателем, накрутил номер. Приказал себе успокоиться... сделал несколько глубоких вдохов, с каждым разом задерживая выдох. Говорят, что тело нуждается в максимальном количестве кислорода – но это не так, и он знал, о чем говорил. Ведь на этот бар Ши заработал, выступая на подпольных боях без правил, в одном из доков Виктория Харбор.

– Я слушаю.

– Это триста одиннадцать – двести пять – Ши назвал свой номер, какой использовался в триадах⁶ – ко мне пришел человек, выглядит как американец, но это не американец. Ростом чуть ли не пять цуней⁷, серые волосы, не азиат. Мне он кажется опасным.

– У него есть оружие? – поинтересовался сидевший на коммутаторе связник триады. Этот номер телефона – нигде не был известен, потому что его не существовало – связник сидел прямо на коммутаторе телефонной компании, а телефонная компания принадлежала триадам. Если бы полиция или кто-то другой сделали бы запрос относительно этого но-

⁶ китайская мафия

⁷ Один гонконгский цунь – 14,5/8 британского дюйма, 37,1475 сантиметра. Соответственно пять цуней – 185 сантиметров, для китайцев это очень высокий человек.

мера – оказалось бы, что этого номера нет. И никогда не было.

– Не знаю. Но у него сильные руки и пальцы, как у хорошего кунгфу таши.

– Хорошо, я записал, брат... – сказал связник триады – сфотографируй его, если сможешь и запиши, когда он от тебя уйдет.

– Слушаюсь...

Мастер Ши закончил разговор, затем начал рыться в больших, стоящих один на одном ящиках у стены. В барах – люди забывают самые удивительные вещи – и часть из них лежала здесь, потому что мастер Ши не знал, что ними делать.

Ага, вот...

Он достал фотоаппарат, с сомнением посмотрел на него. Забыли туристы... какие-то идиоты в прошлом году... захотелось хлебнуть экзотики... а хлебнули в итоге грязной воды из канавы, обильно кишашей всеми известными науке видами микробов. Мастер Ши никогда не испытывал потребности фотографироваться – но знал, как это делается... теоретически. Взвести затвор фотоаппарата, как на оружии... вот тут до щелчка, направить видоискатель на ... то, что хочешь снять и нажать на кнопку. Щелк – снято. Перемотка тут автоматическая... кажется.

Ладно, он сделает только один кадр. И все.

Тут перед мастером Ши встала одна проблема. В стене, отделяющей бар от его кабинета, были несколько тайных смот-

ровых отверстий для наблюдения... незаметных смотровых отверстий. Но если он будет смотреть в него видоискателем – то объектив будет смотреть на стену, а если объективом – то в видоискатель он не увидит ничего, кроме стены.

Почесав в затылке – мастер Ши решительно взвел затвор фотоаппарата и направился к стене. Он посмотрит в смотровое отверстие сначала глазом, увидит гуилао, потом приставит к дырке объектив и щелкнет. Если он увидит гуилао своим собственным глазом – то тоже самое увидит и стеклянный глаз фотоаппарата, верно?

Британская кровь в мастере Ши давала о себе знать – он считался умным и был одним из немногих полукровок, которых приняли в триаду. Китаец бы сначала минут десять озадаченно чесал затылок, а потом принялся бы звонить боссу и спрашивать, что делать...

Осторожно сняв фанерку, мастер Ши выглянул в зал. И увидел только недопитую бутылку Циндао, сиротливо стоящую на столике...

Обеспокоенный мастер Ши бросил фотоаппарат на стол и полез назад. Мимолетного взгляда из-за бара хватило, чтобы понять – нет, он не ошибся. Гуилао ушел.

– Ты! – спросил он бармена – когда ушел гуилао. Новенький.

– Да только что, мастер. За ним пришли – и он ушел.

– Кто за ним пришел?

– Двое.

Бармен сделал понятный любому гонконгцу знак – белый, осторожно...

Обеспокоенный мастер Ши полез назад – звонить.

...

Ну... конечно.

Иного и ждать не приходится. Эти идиоты – совсем не умеют маскироваться. Он тоже... но он то здесь как турист... американский турист, и вполне схож с американцем, и внешне и по манерам поведения – благо, довелось насмотреться. А эти. Местные... еще бы футболку надели с американским флагом, козлы.

Хотя это не его проблемы. Пока.

Американцев было двое. Оба крепкие... мясные, как откормленные бройлеры, есть у североамериканцев такая порода кур, исключительно на мясо. Один, который поздоровее – держит руку в кармане ... и там, судя по размерам, QSPR⁸, не меньше. У второго – руки свободны, кожаная куртка расстегнута до самого низа... орлы!

⁸ Quiet Special Purpose Revolver. В этом мире немного другой. Смит-Вессон, специальный, 410 калибра, спецпатроны сделаны по схеме Гуревича, как в нашем ПСС и по размерам полностью идентичны ружейным патронам 410 калибра. Эти пистолеты первоначально были сделаны как оружие выживания для летчиков, сбитых над Индокитаем, но потом их облюбовали спецслужбы – они позволяли сделать пять полностью бесшумных выстрелов и перезарядить быстро, как обычный револьвер. Можно использовать и обычные патроны 410 калибра – запросто пробивает дверцу машины, вдобавок при использовании дробовых патронов нельзя установить, из какого конкретно оружия стреляли. Для спецопераций просто идеальное оружие.

Только не те, которые на североамериканском гербе изображены, а те которые сверху – и прямо на голову!

Чтобы не продолжать этот балаган – капитан первого ранга Воронцов встал и отправился навстречу встречающим...

Громилы молча кивнули – и они вышли на улицу. Небо почернело от сдерживаемой уже несколько дней грозовой ярости, с Виктория-Харбор дул резкий, порывистый ветер – но дождя не было...

– Сюда, мистер – сказал здоровяк, приглашающе показывая на распахнутую дверцу небольшого Лейланд Парсел Деливери, грузовичка для доставки товаров – добро пожаловать в Гонконг.

В этот момент – словно намекая на что-то, небо с оглушительным грохотом расколосось над ними, первые тяжелые капли дождя осколками посыпались на землю. Молния высветила на мгновение их в тесноте гонконгского переулка, сделав похожими на оживших мертвецов...

– Да, погодка не радует... – сдерживая гнев на двух дураков, сказал капитан Воронцов и полез в машину. Залезший следом за ним американец – с грохотом захлопнул прокатившуюся на роликах дверь, включил едва светящийся плафон.

В этот момент – на крышу что-то упало... кошка, что ли. По звуку было именно так.

– Что это? – резко спросил Воронцов, подняв голову
Водитель хохотнул, садясь за руль

– Добро пожаловать в Гонконг, мистер. Нам на крышу вы-

кинули какое-то дерьмо, здесь мало кому приходится в голову вынести мусор в контейнер, как полагается. Отчего везде вселенский срач, а когда бывает гроза, как сегодня – в нижнем городе по улицам какой только дряни не несет. Ничего, пока едем – смоем...

Воронцов настороженно прислушивался – но звук больше не повторялся, и у него не было такого ощущения, что на крыше *кто-то есть*. А потом – машина тронулась, и слушать стало уже невозможно...

...

Ему пришлось ждать достаточно долго. Гроза никак не начиналась, воздух был тяжелым, душным. Распластавшись по стене второго этажа, опираясь ногами на кронштейн, одетый в повседневный костюм китайского крестьянина боец клана Томо-рю непрерывно осматривал улицу, ища малейшие признаки опасности. Ими могло быть все, что угодно... если перестанут ползти машины по улице, если вдруг не станет людей, или в переулке появятся люди, которых тут быть не должно. Вряд ли даже самые опытные гонконгские полицейские, имевшие дело с бандитами всех мастей и видов смогли бы поймать бойца клана Томо-рю – но он боялся не этого. Не боялся он и смерти, смерти от пуль – часто она намного милосерднее, чем участь бойца – невидимки, попавшего в руки стражи. Он боялся не выполнить задания...

Потом в проулок въехал грузовичок, и Ли насторожился. Грузовичок был точно таким, на каком развозили продукты

– но ни один безумец не рискнет развезить продукты днем. Он просто ни до кого не успеет добраться и сожжет свое топливо в пробках.

Из машины вышли двое – и Ли понял, что это те, кого он ждал. Американцы! Он не знал, что точно значит это сложное слово – но знал, что те, кто называется этим словом враги его народа, враги уже сто с лишним лет. С тех пор, как они подошли к берегам Японии и обстреляли их из огнедышащих драконов, каких тогда не было у его народа – они совершили преступление. Такое, за которое расплачиваются кровью.

Они совершили преступление перед самим Ли. Его старший брат, который как и он сам был бойцом клана – пришел домой с лицом, обезображенным адским дыханием дракона. Его лицо было столь искорежено, что никто не узнавал его с тех пор.

Драконы... Драконы, чье огненное дыхание слышно как гром, что изрыгают огонь, испепеляющий целые деревни. За это – враги тоже должны были уплатить. Сполна – и плата могла быть лишь одна.

Ли мог убить их обоих. Голыми руками. Он знал, что у них есть оружие – он знал, что такое оружие, умел его применять – но оружие в руках врага для него мало что значило. Опытный лучник не менее опасен, чем снайпер, опытный метатель шураконов, боевых звезд – способен метнуть девять из них быстрее, чем самурай достанет свой меч. Этих

двоих гайджинов, толстых, глупых, медленных и неповоротливых, просто нашли бы в проулке и никто не задумывался бы над причинами их смерти – Ли знал, что для этого надо просто вытащить из кармана бумажники. Но у него был приказ – и он заключался совсем в другом.

Ли с сожалением посмотрел на свои ноги. Они были голыми – забираясь туда, где он был, он снял свою обувь, представлявшую собой странную смесь балетных тапочек и резиновых тапочек для купания. Теперь, для того, чтобы надеть – нужно было время, а без них он не мог бежать, опасаясь поранить ноги. Подошвы его ног выдержали бы острый камень или ветку – но не битое стекло, а здесь его было навалом...

К тому же американцы появились быстро – и с ними был этот самый гайджин. Они пошли к машине – и стали в нее садиться...

Времени у Ли не было совсем.

В то время, когда они сели в машину – но она еще не тронулась – он решился на отчаянный поступок. Он прыгнул и приземлился на крыше машины гайджинов. Это был смертельный риск – гайджины не дураки, он это прекрасно знал. Он постарался максимально смягчить удар своего тела о крышу, к тому же подгадал под удар грома – но все равно, там внутри – не могли не слышать. Ли мог рассчитывать лишь на то, что глупые и самоуверенные гайджины – не потрудятся выйти под дождь, чтобы посмотреть, что это упало на крышу их гремящей повозки без лошади.

Так оно и вышло. Гайджины – поленились. Или они не хотели намочить свою дурацкую, сковывающие движения одежду?

Ли удовлетворенно улыбнулся, когда машина тронулась. Теперь ему не придется бежать – а удержаться на скользкой крыше машины для того, кто мог удержаться на отвесной стене замка в громовую, дождливую ночь – плевое дело...

Гонконг, район Ванчай. Здание Ван-Билдинг, последние этажи. Офис страховой компании «Глобал Иншуранс Ре». 11 мая 1978 года

Два человека, два белых человека – не отрываясь, смотрели на экран монитора, расположенного в комнате охраны на четырнадцатом этаже массивного, шестнадцатизэтажного (если не считать двух подземных уровней для парковки) здания Ван-Билдинг, построенного еще в тридцатые годы как крупный бизнес-центр. Эти люди были одеты в типичные для местных белых костюмы кремового цвета из прилично выглядящей, но в то же время плотной и легко отстирывающейся ткани, в которой можно и вояж по джунглям предпринять, на ногах у каждого из них были массивные ботинки на шнуровке. Приличная, черная кожа и вроде бы гражданский фасон – но понимающему человеку такая обувь могла сказать о многом: у нее прочная подошва и они не сваливаются с ног при быстром беге, подобно монкам⁹. У этих людей на руках были поблескивающие неброским золотым блеском часы Ролекс Субмаринер, причем золотые и цифер-

⁹ Разновидность обуви. Так называются потому что ее придумали монахи. Без шнурков

блатом вниз – не отсвечивают, точные, водонепроницаемые, а при тяжелой жизненной ситуации эти часы можно хорошо продать практически в любом уголке земного шара. У того, кто помоложе – из кармана выглядывали американские полицейские очки на поллица, у того, кто постарше – их не было. Но и без полицейских очков, опытный человек, лишь взглянув на этих двоих, скажет – что перед вами оперативники какой-то спецслужбы, британской или американской. Если хотите опознать таких – смотрите на часы и на обувь, они подскажут вам, что к чему.

Эти люди, сидящие на пульте охраны в здании, расположенном в деловом центре Гонконга – были открыто вооружены, что говорило о том, что игра ведется совсем без правил. У более молодого – он выделялся короткой, ровной стрижкой, более приличествующей морским пехотинцам – был автомат Car-15 с прицелом Oxford Sight и нестандартным магазином на пятьдесят патронов, у автомата не было ремня и молодой постоянно держал его в руках, как и подобает профессионалу. У пожилого – автомата не было, но в легкой нейлоновой кобуре подмышкой удобно располагался револьвер ACR¹⁰ – излюбленное оружие спецов старой школы под патрон 44 русский. В отличие от пистолета, у которого все равно бывают осечки – револьвер работал всегда. И бил на-

¹⁰ *Advanced Combat Revolver, реально существовавшее, хотя и малоизвестное оружие. Малая рамка Рюгера, новый барабан без дол и ствол под 44 калибр. Револьвер получался немногим больше чем Смит-Вессон-10, но останавливающее действие не сравнить.*

смерть.

Под настороженными взглядами двух оперативников – разукрашенный рекламой грузовичок припарковался рядом с Форд Эконолайн, еще старым, с круглыми фарами – одной из оперативных машин станции СРС в Гонконге. Из машины выбрался водитель, осмотрелся, потом открыл дверь – и из глухого кузова грузовичка выбрались еще двое. Оператор дал на соседний экран картинку с другой камеры, с подходов к грузовому лифту, к которому и направились эти трое.

– И все же мне это не нравится, сэр – сказал молодой – нет, совсем не нравится. Вы же сами учили – чем меньше посвященных, тем лучше. К чему сюда приплетать еще и русских, а?

– Они могут нам помочь. Наверняка помогут. У нас – общий враг.

– Вы в этом уверены, сэр?

– Да, уверен.

На камере было видно, как трое вошли в грузовой лифт, вручную задвинули решетку.

Пожилой поднялся с кресла, потянулся, разминая мышцы после долгого сидения

– Пошли встречать.

– Сюда, мистер...

Один из американцев шел впереди, другой – конвоировал (точнее не конвоировал, а сопровождал) русского сзади.

Было непонятно, где они находятся – но судя по тому, что мог понять русский, пока их грузовик мужественно боролся с пробками – они не перебрались через залив. Возможно, они вообще кружились по окрестным улицам.

Это было какое-то большое здание. Судя по тому, что внизу, на парковке было полно пустующих мест – это было какое-то административное здание, довольно большое и старое. Лифт, на котором они поднимались – вполне способен был вместить двадцатифутовый морской контейнер, но полз медленно и с таким скрипом, как будто вот – вот развалится. На таком достопочтенном монстре не поднимаются, если к тому нет серьезных причин – и одной из причин может быть то, что сейчас вечер, рабочий день закончился, большинство людей покинуло здание и пассажирские лифты отключены. Капитан первого ранга Воронцов украдкой взглянул на свои часы – так и есть, почти двадцать один ноль – ноль. Они кружились по Гонконгу больше трех часов.

В здании почти не пахло – значит, цивилизованный район.

– Сюда, мистер.

Капитан пробежался взглядом – и увидел в углу скрытую видеокамеру... Серьезно.

Дверь открылась – но совсем не та, которую следовало ожидать – а потайная, в стене. Видимо, та дверь, большая, в две створки, отделанная деревом – была фальшивая, за ней была кирпичная стена – еще одна разумная и необходи-

мая мера в системе безопасности одного из помещений станции СРС в Гонконге. В открывшемся дверном проеме стояли двое: здоровяк, похожий на сержанта морской пехоты с автоматом и Билл Морган. Старина Билл Морган, потомок пиратов, грабивших испанские галеоны, южанин с Луизианы, морской офицер, третий помощник на USS Maddax, стационара из порта Хайфон, с которого и заварилась вся эта кровавая каша, конца которой не видать вот уже шестнадцать лет. Он постарел – но это был все тот же Билл Морган. Рано поседевшие волосы, морщинистое лицо, короткая пиратская косичка, из-за которой он получил не одно взыскание в свое время и быстрые, чертовски быстрые руки. Наверное.

– Черт бы меня побрал... – начал он

– Извините, сэр... – встрял молодой – разрешите, я его обыщу, сэр.

Билл Морган с извиняющимся и одновременно хитрым выражением лица отступил в сторону. Мол... извини, приятель, но ничего не поделаешь. Протокол такой.

– Подмышкой – с каменным лицом сообщил Воронцов, поднимая руки.

Молодой здоровяк сунулся туда, куда было сказано – и вытащил из подмышечной кобуры воловьей кожи угловатый черный пистолет с удлиненным, выступающим из кобуха стволом с компенсатором. Перебросил его Моргану, тот ловко поймал на лету. Противовесом пистолету были два запасных магазина на двадцать – их здоровяк тоже изъясил. Из

кармана русского – он выудил Смит Вессон Бодигард Эйрвейт – легкий револьвер тридцать восьмого калибра, из которого можно стрелять, не вынимая его из кармана. Все это – он оставил себе. Охлопал русского с головы до ног – больше ничего не было.

– Больше ничего нет, сэр.

Морган рассматривал «трофейный» пистолет

– Ческа Зброевка семьдесят пять, специальный вариант с режимом автоматического огня. Неплохо, неплохо. Как в старые добрые времена, а, Владимир?

– Посмотрел – отдай обратно.

Морган с хитрым видом сунул пистолет себе в карман

– Будешь выходить – отдам. Ты человек горячий.

– Не провоцируй.

Морган сделал обиженное лицо.

– Помилуй Бог, кого это я здесь провоцирую, а? Я вообще само гостеприимство, у меня даже водка здесь есть. Против местной заразы, которая тут на каждом шагу – водка самое то. Пошли... Владимир, нечего стоять в дверях. Вспомним старые добрые времена... поговорим.

В коридоре, открыв одну из дверей, появился еще один американец. Морган показал ему на комнату с пультом охраны – и тот кивнул головой.

– Пошли... друг мой.

Ли знал, что такое видеокamеры и знал, что лучше им

на глаз не попадать. Поэтому – он соскочил с фургона как раз тогда, когда он заворачивал на подземную стоянку. Водитель такси, который увидел внезапно появившегося перед ним в дымке дождя крестьянина-идиота, не знавшего о том, где можно переходить дорогу, а где нельзя – выругался и уже успел подсчитать в уме, сколько будет стоить замять дело... убийство китайца здесь каралось крупным штрафом, убийство белого смертью. Он еще успел удивиться, как ловко замызганный китаец ушел от столкновения с мчащимся на него такси... но удивляться ему было некогда. У него была работа – и он должен был ее делать...

Выскочил на тротуар – Ли огляделся и увидел в дождевой пыли красную, как кровь будку. Это было то, что ему нужно.

В будке никого не было. Редкие прохожие старались не попасть под фонтаны грязной воды, то и дело вырывающиеся из-под колес мчащихся машин, они кутались в пластиковые дождевики, которые можно было сложить и убрать в карман. Гонконг, расположенный у подножья гор и на берегу моря – просто притягивал к себе дожди, и постоянно иметь при себе дождевик было насущной необходимостью.

Что же касается Ли – то дождь всегда и везде был его союзником. В дождь даже самые опытные и ревностные часовые промокают, замерзают и не так бдительно несут свою службу. В пелене дождя неопытные люди не видят дальше пальцев вытянутой вперед руки, а шорох дождя заглушает осторожные шаги. Наконец, в дождь свободны телефонные

кабинки и не надо дожидаться очереди...

Накормив аппарат монетами, которые до этого выпросил у прохожих, Ли набрал номер, который помнил наизусть и доложил о том, что видел. Получив новые указания, довольно улыбнулся.

Этот номер – был одним из номеров нелегальной резидентуры японской военно-морской разведки в Гонконге.

В небольшое помещение, которое, судя по безлико-серым стенам и большому зеркалу с односторонней видимостью «туда» использовалось как вспомогательное при допросах – к длинному столу стащили несколько стульев. Американцы выставили немудреное угощение – жареную утиную грудку, «волосяную» лапшу. Морган с хитрым видом поставил на стол початую бутылку русской водки...

– Спасибо, нет.

Морган убрал бутылку

– Ты становишься скучным, друг мой. Помнишь Хюэ, а?

– Стараюсь забыть... – сухо ответил русский

– И напрасно. Мне его иногда не хватает. Там произошло много хорошего, русский – хотя одновременно с этим и много чего плохого. Мы приобрели много друзей, русский.

– Еще больше – потеряли.

Морган понимал, почему его старый друг не слишком рад ему – русские все еще считали экстренную эвакуацию американцев из Индокитая предательством. Их можно было по-

нять – теперь японцы, пополнившие свою империю землями на Юге, готовились наступать на севере. Сахалин, Дальний Восток, Сибирь, для начала КВЖД. Это даже не скрывалось – японцы вообще ничего не скрывали, токийские газеты открыто публиковали новые карты Большой Японии с теми землями, которые должна отдать Российская Империя. Что делали русские – Морган не знал, но судя по тому, что он знал о русских – они мрачно, упорно, сосредоточенно готовились к жестокому бою. Упрямые сукины сыны, у них нет выборности власти – и потому они могут воевать десятилетиями. К тому же – с японцами у них давние счеты, еще с Цусимы.

– Ладно, русский, ты прав. Но дело не в этом. Произошло кое-что. Имей в виду – мое начальство было против того, чтобы приплетать в это дело еще и вас. Но мне кажется, я могу тебе доверять.

– Это поэтому ты отнял мое оружие?

Морган стукнул кулаком

– Перестань! Хватит ребячиться, речь идет о серьезных вещах.

– Это и есть серьезная вещь. Это оскорбление.

– Черт, если бы ты каждый день имел дело с моим начальством, ты бы наверное уже застрелился. Но дело не в этом. Ты знаешь, что такое героин?

– Наркотик нового поколения. Дорогой, легко транспортируется, чрезвычайно опасен. Стойкое привыкание насту-

пает за три – пять приемов, за год этот наркотик способен вызвать необратимый распад личности. Основная зона производства – территория Японской Империи, предположительно наркопосевы контролируются Кемпетай, японской военной полицией, для распространения используется сеть тонгов – китайских общин по всему миру. В самой Японии за употребление этого наркотика – смертная казнь. У вас с этим проблемы?

– Да, русский, у нас с этим проблемы и большие. Только за последний год потребление этого наркотика в Североамериканских соединенных штатах возросло по нашим оценкам в два с половиной раза. Господи, десять лет назад у нас в стране единственными наркоманами были курильщики опиума в Чайна-Тауне, все просто пили виски! Береговая охрана пытается перехватить каналы транспортировки этой дряни – но все это напоминает спортивную рыбную ловлю на удочку. Мы вынуждены тоже заниматься этой дрянью – как можем.

– Ты по-прежнему в СРС?

– Да, но временно прикомандирован к другому ведомству. DEA, слышал про такое?

– Мельком.

– Служба по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, создана год назад. Подчиняется Министерству Юстиции. B ATF¹¹ до этого пыталась бороться, Береговая охрана тоже – но примерно год назад мы поняли, что ничего хоро-

¹¹ Бюро по алкоголю табаку и оружию

шего из этого не получается. У них нет ни агентурных сетей, ни навыков их построения и контроля, ни специалистов по тайной деятельности, ни аппаратуры, ни спутников, ничего. Тогда и создали ДЕА. Я здесь что-то вроде играющего тренера. Временно, хотя... жизнь покажет.

– Поздравляю.

Морган кивнул на молчаливого здоровяка с автоматом.

– Майкл Сонтаг, подразделение Альфа¹². У него с этими тварями свои счеты. Когда он подышал под Сайгоном – к его сестре на стоянке подскочил негритянский ублюдок и попытался вырвать сумочку. А чтобы легче было это сделать – три раза ударил ее ножом. Полицейским он сказал, что ему срочно нужны были десять баксов на дозу – ради этого он убил человека. И сам понимаешь – посадив ублюдка на электрический стул, проблему не решишь.

– Сочувствую – сказал русский, посмотрев в глаза здоровяку

Молодой американец молча кивнул

– Так вот, Влад... в последнее время мы перехватили несколько партий дури, которая была уже расфасована, причем не в гараже, а на специальном оборудовании, на том же самом, на котором расфасовывают лекарства. Мы заинтересовались этим фактом и предприняли кое-какие изыскания. Они вывели нас на компанию Золотой Дракон, одну из крупнейших в этом городе. Это холдинг, они владеют

¹² Разведподразделение Зеленых беретов

недвижимостью, держат капиталы на Гонконгской фондовой бирже, прокручивают аферы, и у них есть фармацевтическая компания широкого профиля. Широкого в том смысле, что они продают как нормальные лекарства, так и всякую хрень. Слышал про лекарство из рога носорога?

– Слышал – скривился русский

– Из-за этого буры и германцы ввели смертную казнь за организованное браконьерство. Они отстреливают носорогов, отрубают рога и везут сюда. Килограмм рога здесь стоит пятьдесят тысяч долларов – не гонконгских, а североамериканских, парень, настоящих наших долларов. Здесь фармацевты из Золотого дракона скупают его, перемалывают и продают вдвое дороже в виде известного всей Азии лекарства для повышения потенции. Золотой дракон – действительно золотой, потому что носорожий рог стоит дороже золота.

Русский скривился.

– Я слышал об этом. У нас исследовали эти таблетки. Мало того, что там на две трети известь, так еще и эта дрянь, размолотый рог носорога, по мнению наших ученых способна вызывать рак.

– Да? Здорово. Так вот – вчера нам удалось поймать одного козла. Доктора, который работал на них. Его зовут Стивен Чунг, наполовину англичанин, наполовину китаец. Долбаный урод, он окончил Кембридж, прекрасный микробиолог, работает на тех, кто ему больше заплатит – и плевать, в чем

именно заключается работа. Мы давно на него ведем досье – но сейчас пришло время познакомиться с ним поближе. Мы прихватили его в курильне, притащили сюда и обломали ему кайф. И из него такое повалилось, что я счел нужным вызвать тебя. Мне показалось, ты будешь рад это услышать. Точнее – совсем не рад.

– Что именно. Не говори загадками.

– Генерал Тахачиро Исии. Санитарный отряд Императорской армии номер семьсот тридцать один...

Одним движением – Ли перемахнул через забор, приземлялся в тени. Взгляд метнулся по двору... пожарная лестница и водосток. Глупые иностранцы строили так, что они заслуживали смерти хотя бы за глупость...

Уже через пять минут – он ввалился в один из кабинетов на третьем этаже здания. Кто-то забыл закрыть окно...

Китаец – поденщик в мокрой насквозь одежде мягко как кошка спрыгнул на покрытый ковром пол. обернулся, нахмурился – его ноги оставили мокрые и грязные следы на подоконнике. После того, как вода высохнет – грязь все равно останется.

Только то, что сделанное все равно не скроешь – примирило его с неизбежным отступлением от правила «никогда не оставляй следов». Тем не менее – он вытер подоконник чистым рукавом, постаравшись придать ему тот же вид, какой он имел до того, как нога Ли ступила на него.

Его взгляд – отсутствие света ничуть не мешало – метнулся по кабинету. Дверь, два замка, решетка на стене... решетка! В душном Гонконге очень важна вентиляция, без постоянного притока свежего воздуха человек может даже упасть в обморок в помещении, что говорить о работе. Поэтому – вентиляционные каналы в этом здании были относительно широкими и шли через все здание. Так он придет к цели. Так он уйдет...

Канал, по виду был пригодным только для некрупной обезьяны. Но Ли знал – там, где способна пролезть его голова, способен пролезть и он сам.

Ли улыбнулся и одним движением запрыгнул на чисто прибранный стол – снять решетку.

Глаза русского мгновенно застыли – как вода в осенней луже, прихваченная первым ночным заморозком. Его супруга называла это «сделать в глазах февраль».

– Где этот человек – спокойно спросил русский

Морган поднял руку

– Спокойно...

– Где этот человек?

– Легче, легче. Для начала – этот человек в карантине, ограниченный доступ даже для своих. Потом – мне хотелось бы получить кое-что взамен, понимаешь, русский. Это игра для взрослых мальчиков. Почешу спину мне – а я почешу тебе.

– Генерал Исии является общей угрозой.

– Согласен. Но тем не менее...

– Тем не менее, Билл... – с холодной яростью заговорил русский – тебе пора выбираться из-за карточного стола. Пол уже дымится.

– Вот как?

– Какая информация тебе нужна?

– Нам нужны данные о продвижении японцев в нашем направлении. Планы, намерения... в общем, все, что не слишком полезно для вас, но может быть очень полезным для нас. Вы отгородились от нас, русский, и это плохо.

– Клянусь честью, ты получишь данные.

– Клянешься...

Потомок пиратов поднялся с места, пригладил короткую, шкипкерскую бородку

– Хорошо, я тебе верю, друг. Пошли...

С места поднялся и Сонтаг

– Со всем уважением, сэр я против...

– Свое мнение, Микки – резко оборвал его Морган – ты будешь высказывать, когда будешь начальником станции. А пока изволь обходиться моим. Иди за нами...

** Монк – монах, один из видов мужских туфель, придуман в Британии*

**** Бюро по алкоголю, табаку и наркотикам*

***** Отряд глубинной разведки, создан в составе 82 ВДД.*

Они прошли темным коридором, свернули за угол – внутри здание имело своеобразную планировку. Там стоял еще один американец с итальянским полуавтоматическим ружьем LAW-12

– Все тихо, Марк? – спросил начальник станции

– Да, сэр.

– Когда последний раз смотрел?

– Двадцать минут назад, сэр.

– Хорошо, оставайся здесь.

– Э... сэр, общий приказ...

Американец выразительно показал глазами на незнакомца.

– Он отменяется, Марк. Под мою ответственность.

– Есть, сэр!

Американец отступил, пропуская троих к охраняемому объекту.

С первого взгляда, Воронцов определил, что Чунга пытали. Он навидался на такое... в местах, куда хуже, чем это. В его понимании, североамериканцы в последнее время слишком увлеклись пытками, озверели – хотя по сравнению с японцами и китайцами, они в этом вопросе – сущие дети. Тем не менее – Чунга они сломали, а это значит, что его нельзя больше использовать иначе, как источник информации. Русские спецслужбы решали куда более сложные задачи, они

пытались перевербовывать террористов, засылать их назад для осведомления, разрушения террористической и подрывной среды недоверием. Но возможно, у американцев просто не было времени, чтобы играть в такие игры.

В комнате для допросов горел свет – нестерпимо яркий, красный, даже сам капитан почувствовал себя плохо от такого света. Еще один вариант работы... человек, который долгое время находится без сна, более податлив и менее склонен сопротивляться. Как же все надоело...

Морган по своему обыкновению – перевернул стул задом наперед и оседлал его как коня. Сонтаг держался сзади...

– Выключите... – поморщился Воронцов

Сонтаг взглянул на Моргана, тот утвердительно кивнул. Американец вышел за дверь – и через пару секунд в комнате воцарился полумрак, загорелись лампы нормального, дневного света

– Слава Богу... – обессилено сказал Чунг

– Не упоминай имени Господа нашего всуе! – назидательно сказал Морган – ну, что? Надумал говорить правду, или как?

– Вы не понимаете...

– О, мистер, я много чего понимаю. Я даже местные диалекты знаю. Так что – говори, говори, друг мой. Только в этом твое спасение...

– Спасения нет. Ни вам, ни мне. Как вы не понимаете! Как вы не понимаете!!! Они все равно придут сюда! Придут

сюда.

– Пусть приходят – Морган зевнул – лично мне осточертело их искать, лазая по всяким, прости Господи, помойкам. Да, сэр, будет лучше, если они придут сюда сами...

– Вы не понимаете! Они убьют всех в этом здании! Убьют всех, никто живым не выйдет...

– Позволь мне... – сказал капитан Воронцов, присаживаясь на край стола (поза доминирования). Как они убьют нас? Они выпустят газ? Микробы?

– Может быть и так! Они на все способны!

– Чем они занимаются?

– Я ... не знаю! Не знаю!

– Врешь... – заключил Морган – видимо, мой друг был недостаточно убедителен, объясняя тебе, что врать нехорошо. Может быть, мне снова позвать его, а?

– Мы все умрем.

– Вопрос в том, когда – сказал Воронцов – что именно ты делал?

– Что?

– Что именно ты делал? Ты ведь не просто химик, так?

– Я простой ученый! Ученый!

Чунг лопнул быстро. Одного ведра хватило. Экспресс-пытка утоплением – она особенно эффективна против арабов: арабы не умеют плавать и, захлебываясь водой, сразу впадают в панику. Но и Чунг долго не продержался...

– Итак, вопрос, друг мой... – Морган носовым платком приводил свою одежду в порядок, в то время как Чунг, выпучив глаза, судорожно кашлял, выхаркивая смесь воды и слизи из своих легких – что именно ты делал в Золотом драконе.

– Ничего... ничего...

– Не расстраивай меня. Не то я вновь пойду к рукомою-нику...

– Я всего лишь... всего лишь...

– Что?!!

– Искал защиту! Защиту!

– Против чего?!

– Я не знаю! Я не знаю, что это было!

Морган хлестнул пленника по щеке наотмашь.

– Перестань чушь нести!

– Опиши симптомы! – сказал Воронцов.

– Симптомы... как грипп... только потом много хуже.

– Насколько хуже?!

– Черт, о чем это вы? – снова вскипел Морган, который не мог похвастаться базовым высшим образованием, с обязательными курсами химии, физики, математики обязательным для русских морских офицеров.

– Ты искал лекарство, да?

– Да сэр! – визгливо выкрикнул Чунг – я искал лекарство! Только лекарство, господи, только лекарство! Я ничего не делал, сэр, я только искал лекарство...

– Так...

Морган раздраженно встал.

– Ну-ка, выйдем!

Они вышли в коридор. Американец по имени Марк и Сон-таг стояли у двери

– Зайдите туда. Смотрите, чтобы он ничего не сделал с собой.

– Есть!

Когда приказ был выполнен – Морган повернулся к русскому, кипя от злости

– Так, выкладывай. Ты знал про Исии, так? Ты знал, что он жив?

Воронцов мрачно усмехнулся

– А сам как думаешь?

– Сукин сын.

– Послушай, Билл – сказал русский – если вы не можете ни хрена сделать работу, то нехрен называть меня сукиным сыном? Понял?

Русский и североамериканец несколько секунд смотрели друг другу в глаза. Североамериканец отступил первым.

– Давай, выкладывай все.

– Или что?

– Черт возьми, хватит играть в игры! – взорвался американец – не ты ли говорил, что Исии общая угроза, а? Вызвав тебя сюда, я рискую собственной карьерой! Может, этого достаточно, чтобы перестать юлить, а?

– Ладно, ты прав – сказал русский – дело серьезнее, чем ты думаешь. Исии не просто жив, он играет важную роль в планах японского военного командования. По нашим данным – Япония нападет на нас не позднее лета восьмидесятого года, совместно с Британией. Поводом к этому послужит то, о чем мы еще ничего не знаем. Их цель – КВЖД, Сахалин, Владивосток – отрезать нас от Тихого океана полностью. Как только они сделают это – они займутся вами, они вошли во вкус и у них чертовски большие планы на весь регион. Они понимают, что мы не отступим и готовят нечто такое, что заставит нас отступить.

– Бактериологическое оружие?

– Оно самое. По нашим данным – Исии скрывается где-то на территории Индокитая, он не только остался жив во время налета, но и сохранил свои наработки. Сейчас – он пытается создать бактериологическое оружие нового поколения. Мы не знали, что именно это будет, поэтому вынуждены были ограничиться наблюдением. Мы думаем что Исии уже создал то, что хотел создать, то против чего у нас нет защиты. А этот Чунг – дал мне зацепку, не менее важную. Так что я благодарен тебе.

– О чем ты? Ты про лекарства?

– Они самые. Какой бы смертельный вирус не создал Исии, они не смогут его применить до тех пор, пока у них не будет лекарства против него. Лекарства для самих себя. У них есть вирус, но они не могут его применить, потому что

убьют не только нас, но и самих себя. Они понимают, что острова не защитят их от заразы. Чунг видимо, занимался этим лекарством, защитой от вируса. Его знания критически важны для нас, потому что он знает, каков исходный материал, не может не знать. Этот человек нужен нам.

Морган покачал головой

– Извини, русский. Но я тебе его не отдам. Я переправлю его в Форт Детрик¹³, пусть местные яйцеголовые дальше разбираются с ним.

– Ты должен отдать его нам...

Дверь открылась пинком, на пороге – Сонтаг, лицо белое как мел.

– Сэр, с пленным что-то не так! Он умирает!

Ли потерял время, пробираясь по вентиляционным каналам – один раз он попал не туда и ему пришлось выбираться ногами вперед, а это не так то просто сделать. Но так – Ли передвигался по вентиляции с поразительной быстротой, помогал ему в этом малый даже для японца рост и вес.

Оказавшись на нужном этаже – он прислушался. В числе прочих его умений, было умение обострять одно из чувств, временно отключая другие. Он прикрыл глаза, почти перестал дышать – и крики, которые отлично были слышны в

¹³ Военно-медицинский центр САСШ, один из крупнейших в мире, занимающихся проблемами защиты от биологического оружия и биохимическими исследованиями в области защиты и вирусов и иных болезней

вентиляционном коробе, даже не пришлось прислушиваться. Ли пополз на звуки.

Когда он был на месте – такие громкие звуки уже не были слышны. В комнате, которую он видел через решетку воздуховода, были видны двое. Ли закрыл глаза, прислушался – и понял, что в комнате не двое, а трое. Шаги двоих людей – и один сидит, он не может ходить, потому что связан, это – пленник. Значит – трое.

Вопреки общепринятому заблуждению, люди его профессии далеко не всегда были убийцами, хотя и убивать могли. Основной их профессией был шпионаж, внедрение, осведомление... когда глупые гайджины – англичане создали свою тайную палату, на их Родине искусство шпионажа переживало самый рассвет. Заканчивался период феодальной раздробленности, сегун Токугава где силой, а где хитростью собирал разрозненные княжества под свое начало – и услуги шпионов были ему очень нужны. Потом, когда Япония превратилась в единое государство под властью Сегуна – шпионы, люди, которые приходят по ночам и забирают жизни – Токугаве стали не нужны, и он послал свои армии прочесывать лесные холмы близ своей столицы Киото и убивать всех, кто там встретится. Тайные убийцы были угрозой его власти, и он постарался избавиться от них, по своему обыкновению очень жестоко. Но искусство синобу¹⁴ сохранилось, оно не

¹⁴ *Правильное название. Ниндзюцу – используется в основном в западных источниках*

могло не сохраниться. И сейчас, во времена, когда Япония вступила в эпоху войн за жизненное пространство на континенте – оно переживало второе рождение...

Ли осторожно, по сантиметру вытащил уже заряженную харинуки, метательную трубку – теперь она была сделана не из папье-маше, а из легкого сплава, который нельзя было ни согнуть, ни сломать. Он осторожно вложил в нее пулю – его предупреждали о том, что с пулей надо соблюдать особую осторожность, можно умереть от одного прикосновения к кончику иглы. Поднеся трубку к губам, Ли прицелился в затылок привязанного к стулу человека.

– Какого... черта?!

Морган бросился в комнату, едва не сшибив с ног своего подчиненного. Русский последовал за ним.

Чунг лежал на полу, на спине. Американец пытался делать ему искусственное дыхание, изо всех сил бил по левой стороне груди, пытаясь запустить сердце.

Глаза русского метнулись по комнате, ища опасность. Такого просто не могло произойти – он давно не верил ни в какие совпадения. Взгляда мельком на синие губы Чунга и багровое лицо хватило, чтобы понять – это какой-то яд, действующий очень быстро. Если это не американцы – а им то зачем? – то...

– Там! Решетка!

В темноте вентиляционного канала что-то мелькнуло

– Ложись!

Ли определил, что тот гайджин, которого он преследовал от аэропорта – самый опасный. В отличие от всех остальных – он не запаниковал, не попытался бестолково помочь на смерть отравленному человеку – а сразу попытался понять, что произошло. Мертвых не надо бояться – надо бояться живых! У Ли не было приказа убить этого гайджина – но он решил, что если убьет его сейчас, то окажет большую услугу Японии, своей Родине. Поэтому – прежде чем отступить – он направил перезаряженное духовое ружье на русского и выстрелил в него...

И – как мгновенная вспышка – осознал, что он не попал, а гайджин догадался, откуда пришла смерть и теперь у него большие проблемы...

– Что за черт!?

– Он там! Вентиляционный коллектор!

В отличие от остальных – Морган знал, что русский редко ошибается. Вскочив, он бросился к решетке вентиляции, чтобы посмотреть, что там – но отшатнулся, с криком схватившись за глаза.

– Мать твою!

Сонтаг вскинул автомат и открыл огонь. Беленая стена мгновенно покрылась уродливыми, бурыми сколами, во все стороны полетела штукатурка, пыль и обломки старомодной,

кованой решетки воздуховода.

В тесном помещении – пахло горелым порохом, пылью и смертью. От грохота автоматной очереди – тоненько звенело в ушах...

– Ты в порядке? – Воронцов подошел к Моргану – надо промыть...

– Не знаю... Дай... фляжку...

Русский сунул руку за отворот куртки начальника станции, достал плоскую, из нержавеющей стали фляжку. Скрутил колпачок, сунул в руку пострадавшему американцу

– Держи.

Морган – наощупь плеснул немного из фляжки на ладонь, приложил к глазам. Застонал от боли...

– Твою же мать, как хреново...

– Да ты охренел! Ну, дай-ка...

– Не надо... отвали, друг. Я лучше знаю.

– Да ты глаза сжег, идиот...

Морган отхлебнул из фляжки, проморгался. Потом – потянул руку за ведром с остатками воды...

– Все в порядке... Все в норме... переживал и не такое. Как то мне оранжем¹⁵ в глаза попало... то еще дело...

Американцам – наконец удалось подцепить пожарным багром тело в воздуховоде и вытащить его в комнату. Труп

¹⁵ Химическая дрянь, использовалась для уничтожения лесов, в которых скрывались партизаны. Потом выяснилось, что от этой дряни бывает рак

с разможенной пулями головой – плюхнулся на пол со звуком, с каким падает мешок с пшеницей...

– Твою же мать... – выругался Сонтаг – это... ребенок.

– Это не ребенок...

Внезапно – раздался резкий, дребезжащий, повторяющийся звук, бьющий по нервам. Замигало освещение...

– Тревога! Тревога!

Они побежали по коридору, к посту безопасности, который был в самом начале коридора, за дверь, которая ничем не отличалась от остальных

– Что произошло?!

– Нападение!

– Что там, Гарри?! – крикнул Морган

Русский был вместе с американцами – и в его руке был неизвестно откуда взявшийся небольшой пистолет.

– В гараже, сэр – ответил охранник – человек двадцать. С автоматами. Идут сюда.

Одного взгляда на мониторы системы наблюдения хватало, чтобы понять, насколько все хреново. Изображение прыгало, боевики шли к лифту.

– Твою мать. Тонг!

Американцы посмотрели на русского

– Я и сейчас не знаю, где нахожусь – спокойно ответил он

– Он прав – заключил Морган – пошли. Сюда, быстрее.

Гарри, блокируй лифт и жди нас.

– Есть, сэр.

Они добежали до комнаты, на двери которой было написано «директор филиала».

– Давай!

Сонтаг пинком вышиб дверь.

– Окей, Микки, подежурь, пока мы собираемся.

– Сэр, принесите что-нибудь и для меня...

– Заметано, Микки

Комната была обставлена в старом, британском стиле. Массивная мебель, картины на стенах, светильники, массивная кадка с кактусом...

– Помоги...

Вместе – американцы и русский оттащили в сторону массивный шкаф. Морган пнул ногой по стене за шкафом – обои порвались, потайная дверь распахнулась.

– Сюда! Берите, что нужно! По максимуму! Здесь бронжилеты! Берите и гранаты!

В потайном помещении – видимо, переделанном из директорской комнаты отдыха – был внушительный арсенал. Этого хватило бы на десантно – штурмовую роту.

Воронцов был знаком со всеми североамериканскими системами оружия, но был о них невысокого мнения – они переделывались из гражданских систем оружия, а гражданские конструкторы понятия не имели о том, что такое настоящая надежность и безотказность. Их основная стрелковая система – М16 – была создана Юджином Стоунером, который вообще то делал легкую, и с минимальной отдачей винтовку

для своей жены. И сделал ее под патрон 222 Remington, который был хорош в охоте на лис и в тире. Первоначально – М16 приняли на вооружение ВВС САСШ для команд безопасности, охранявших аэродромы. А потом уже – дело дошло и до линейных частей, причем винтовку принимали на вооружение без конкурса, другие североамериканские варианты были еще хуже. Священная Римская Империя, Богемия, Бельгия¹⁶ – страны, имеющие огромный опыт в конструировании и производстве оружия – предлагали на вооружение свои системы, но они были высокомерно отвергнуты. В итоге – винтовка североамериканского пехотинца была едва ли не худшей среди винтовок, принятых на вооружение великими державами. Что говорить про оружие, созданное русскими – нацией, которая с двадцатого года не знает мира. Североамериканские морские пехотинцы воспринимали Калашников как подарок небес, многие части были вооружены только им¹⁷.

Русского оружия – в арсенале не было. Зачем то была японская копия АК – японцы, сами имея большие проблемы

¹⁶ *В те времена она еще не раскололась – Королевство Бельгия*

¹⁷ *Ситуация с войной в Индокитае была принципиально другой, нежели в нашем мире. Российская Империя и САСШ воевали вместе против захватившей Китай и расширяющейся на юг Японии стоящей за ее спиной Англии. Русские воевали потому, что понимали: как только Япония захватит Индокитай – следующая война будет с Россией, за Владивосток, Сахалин, район КВЖД (Желтороссию). Поэтому – американские морские пехотинцы вполне официально перевооружались на Калашниковы, поставляемые в качестве военной помощи.*

с конструкторской школой, просто копировали без спроса чужое оружие, скопировали и М16 и АК – но японский АК нельзя было сравнить с русским. Японцы не знали секретов оружейной стали, при интенсивной стрельбе оружие «вело» и начинались задержки. Поэтому – Воронцов выбрал бельгийскую... тьфу, теперь получается валлонскую уже короткую автоматическую десантную винтовку. Лучшее из худшего – патрон 7,62, немецкий, короткий, магазин немецкий, стальной, с ребрами, на сорок, короткий ствол и передняя рукоятка. Какой-то прицел малой кратности, незнакомый, в металлическом корпусе, на вид солидный. Видимо, специальный заказ для элитных частей Рейхсвера, парашютистов, горных егерей, возможно боевых пловцов – диверсантов. Ларчик тут открывается просто – затвор и газоотводная система, сердце автоматического оружия – почти один в один скопированы с АК-56.

Магазины уже были снаряжены, он проверил их пальцем – не заметно, что пружина ослабла. Начал надевать разгрузку, заметив, как Морган – перебросил вбежавшему стражу дверей десантный пулемет Стоунера.

– Что там?

– Поднялись по общему лифту! Ищут проход!

– Вниз! Сматываемся!

– Заблокировано, сэр! Они не дураки!

– Пробьемся!

Кирпичная стена, преграждающая выход в вестибюль –

вылетела в коридор, все мгновенно окутались дымом и пламенем, их едва не сшибло с ног ударной волной. Боевики тонга, наткнувшись на загадку в виде двери, за которой стена не стали ее решать. Они просто проломили силой.

– Назад! Назад!

– Огонь на подавление!

Пулемет Стоунера оглушительно застрочил в коридоре, засыпая горящий пролом пулями. Морган бросил гранату, даже сквозь дым была видна ослепительно белая вспышка. Раздались крики ... фосфор.

– Прикрываю, пошел!

Русский первый – заметил влетевший в пролом сверток.

– Ложись!

Прогремел взрыв. В замкнутом пространстве коридора – это было как кувалда, точнее – киянка – и прямо по башке. Их окатило раскаленным воздухом, кто был на ногах – того отшвырнуло назад, ударило об стену. Потемнело в глазах, мысли путались, ноги и руки как не свои. Казалось, что ты пытаешься выполнять гимнастические упражнения под водой – а она давит на тебя всей своей непрекаемой мощью...

Русский пришел в себя первым – потому что он лежал, а не стоял. Боевики уже рвались в коридор, прорываясь через пламя, в любой момент можно было ожидать гранаты или нового взрывного устройства, на пару килограммов в тротиловом эквиваленте – чтобы окончательно всех по стенам раз-

мазало. Капитан Воронцов дал длинную очередь в сторону пролома, потом, не поднимаясь с пола, схватил и потащил того, кто лежал впереди всех, и кого оглушило сильнее всего. Это был Сонтаг... здоровый лось, надо сказать.

Кто-то подхватил его. Он обернулся – Морган, лицо такое, что краше в гроб кладут. Кровоизлияние – в глазу сосуд лопнул, из носа тоже кровь течет.

– Держи!

– Тащи его назад! Я прикрою!

Это был «Терминатор» – так его называли в армии. Здоровенная дура – пулемет М60Е3 с подствольным прожектором и уходящая в рюкзак лента. Такие штуки использовались в штурмовых командах, снятые с подбитых вертолетов – ночных охотников. Пятьсот – шестьсот патронов единой лентой, специальный гибкий кожух, и все это можно выпалить одной непрерывной очередью, если пулемет, конечно выдержит...

Пулемет стоял на сошках, капитан так и открыл огонь – короткими, форсированными очередями простреливая пространство перед собой. Надо было выиграть несколько минут... минуты три, не больше. Столько нужно, чтобы отступить за поворот коридора и прийти в себя. Он стрелял, отползал сантиметров на двадцать и снова стрелял, таща за собой пулемет и рюкзак с лентой. Проход был открыт – но у боевиков тонга не было ни единого шанса ворваться в коридор, не попав под губительный огонь. Хотя и у заблокированных на верхнем этаже здания людей – шансов было немного.

Потом – его схватили и потащили назад, за угол. Это было хоть какое-то укрытие...

– Есть запасной выход!?

Сонтаг немного пришел в себя, хотя зрачки у него были с червонец...

– Нет! – Морган со зверским видом сжимал в руках армейскую подрывную машинку – но сейчас будет! Запал подожжен!

– Твою мать...

На сей раз – долбануло так, что пол под ними подпрыгнул. Еще одна контузия, как пить дать, а обновлять раз за разом... хреновая практика...

– Пошли!

В том помещении, где они допрашивали пленного... короче этого помещения просто не было. Морган использовал направленный саперный заряд, но немного нетрадиционным способом. Он вообще то предназначался для разрушения направленным взрывом хижин, где скрывались отказывающиеся сдать боевики. Морган использовал его по-другому – чтобы пробить отверстие в полу. Сила взрыва была такой, что на нижний этаж провалилась большая часть пола, часть стен и даже часть потолка. И все это – напоминало развалины здания после землетрясения или Сайгон семьдесят шестого года во время уличных боев.

– Сюда!

Кто-то из американцев пинком вышиб дверь – и они вы-

валились в коридор. Надсадно трезвонила пожарная сигнализация...

– Тут сейчас тьма копов будет!

– Сюда! Пожарная лестница.

Один из американцев с разбегу вышиб дверь, вылетел на темную, страшную площадку. Сталь гудела под ногами...

– Чисто! Вниз!

– Куда ведет эта лестница?

– В гараж! Там возьмем машину!

– Может, дождемся пожарных? – сказал Воронцов, как и все, прыгая через три ступеньки.

– Да они просто не выедут! Весь город знает о стрельбе.

– Это плохо...

Скатились вниз, дверь в гараж была закрыта на засов, ее можно было открыть только изнутри, с их стороны. Один из американцев взялся за массивный, приржавевший засов, другой вскинул пулемет в готовности...

– Ну!

Балка засова грохнула об пол, удар в дверь – и тут же, автоматная очередь, с близкого расстояния. Длинная автоматная очередь – как дыхание смерти, мороз по коже – даже если не попали. Чувствуешь, как в сантиметре от тебя летит поток стали, готовый тебя разорвать.

– Контакт с фронта!

Марк, не высовываясь, сунул в проем двери ствол десантного Стоунера – и дал длинную очередь веером.

– Гранаты и пошли!

Плескучий взрыв гранаты, затем еще один. Рывок вперед. Очереди, рикошетиющие от массивных бетонных колонн, поддерживающих потолок и все здание, пули рикошетиют во все стороны. Крики на китайском, точнее – на пиджине, искаженном китайском, типичном для интернациональных городов¹⁸.

– Перейти в наступление!

Два пулемета – взводный и ротный – немного уравнивают шансы, хотя со стороны тонга внизу уже человек десять. Не видно почти ничего, пулями разбиты большинство светильников, те что остались – тревожно мигают, освещая картину с разрушениями, пороховым дымом до потолка. Трассеры разрезают полумрак огненными струями, рикошетиют от колонн, откалывая куски бетона, пронизывают насквозь машины. Битое стекло хрустит под ногами, одна машина уже взорвалась, некоторые горят, но вот-вот тоже взорвутся. Крик и мат на всех языках...

– Прикрыть! Слева!

Одному из американцев – удастся завести Эконолайн ре-

¹⁸ Часть городов на побережье Китая были интернациональными – то есть любая держава в них имела (теоретически) те же права, что и Японская Империя. Это результат Вашингтонского мирного договора между Россией и Японией 1928 года, завершившего вторую русско-японскую войну. России удалось существенно потеснить японцев на суше – но половина Сахалина так и осталась японской. Тогда у России не было достаточно сильного флота. А интернациональные города – расплата с кайзеровской Германией, которая могла вступить в войну на стороне России

зидентуры. Крепкая, рамная машина с высоким кузовом, устойчивая, угловатая – по проходимости не уступит иному внедорожнику. Часть стекол выбита – но машина начинает двигаться...

– Уходим!

Русский – прыгает в машину последним, как в вертолет, отлетающий с места боя. Чьи-то руки подхватывают его, не дают выпасть...

– Твою же мать...

Таранным бампером – Форд с треском и грохотом сносит такси, перекрывающее дорогу. В Гонконге не найти компании такси, которая бы не принадлежала тонгам.

На полу вэна трое, русский и трое американцев – лихорадочно перезаряжают свое оружие.

– Куда дальше, сэр!?

– Давай, к порту! Прорывайся!

– Понял!

Снося шлагбаум, машина вылетает под дождь. Дождь не прекращается, природа отыгрывается за несколько дней жары сполна. По улице – поток воды, кое-где с бурунами и даже с водопадами. Немного поредевший поток машин, через который, однако, можно пробиться. Ядовито-яркие, приглушенные впрочем, туманом дождя огни реклам...

Удар в лобовое стекло, моментально пошедшее трещинами, еще два удара по кузову, затем еще один – как молотком.

– Снайпер!

Пришедший в себя от контузии Сонтаг лезет вперед, перехватывает руль. Назад передают раненого...

– Как ты?

– Нормально, сэр... броня...

– Дай, гляну. Гарри, помоги мне!

Русский – перебирается назад. Два ряда сидений – но машина просторная, как и полагается американским машинам.

Позади – синие всполохи мигалок полицейских машин, остается надеяться, что пока не прицепились лично к ним. Если прицепятся – придется прорываться с боем...

Только бы добраться до порта. У него там тоже кое-что заготовлено...

Машина разогналась под гору, ее водило по дороге – как по всему Гонконгу, с ливнем дороги превратились в гибриды водопада и скоростной трассы.

– Они впереди! – вдруг крикнул Сонтаг – до хрена!

Морган, которого дождь тоже привел в чувство – в один момент оценил обстановку

– Они перекрыли Ватерлоо! Сворачивай!

– Куда!?

– Куда хочешь, мать твою!

Бывший десантник крутанул руль, Эконолайн опасно понесло на мокрой дороге, развернуло чуть ли не задом. Высокая, тяжелая машина – с треском врезалась в борт припаркованного грузовика, всех бросило на сидения.

– Твою мать, Майки! Вывози нас отсюда к е...ой матери!

– Сейчас, сэр...

Черный Ровер-универсал с новомодными вытянутыми фарами – развернулся, перекрывая путь отхода. Сонтаг вскинул автомат, который держал на коленях, дал длинную очередь через стекло. В кого попал – непонятно, но иначе их могли бы расстрелять практически в упор

– Выходим! Выходим! Марк, иди сможешь?!

– Я смогу! Я смогу, сэр!

– Окей, держись за нами и не отставай! Гарри, держи!

От Ватерлоо стрит уже мчались полицейские машины. Выбравшийся из машины Гарри вскинул к плечу уродливый, но незаменимый в уличном бою M41¹⁹ – и капот шедшей первой полицейской машины вздыбился в огне и пламени, вторая полицейская машина не успела сманеврировать – и ударила первую в зад, разворачивая ее поперек дороги и перекрывая улицу. Американец передернул затвор и послал в цель еще одну гранату – почти невидимая, сбитая дождем вспышка, грохот, летящие стекла.

– Налево! Мак!

Воронцов – сильным пинком выбил заднюю дверь машины, длинной очередью вдоль улицы дал понять, что мешать ему не следует. Стреляли уже со всех сторон и со всех сторон же выли полицейские сирены. Наследники дела капитана Фэрберна²⁰ – устраивали облаву, чтобы загнать их как

¹⁹ В нашем мире EX-41 Чайна Лейк помповый 40 мм гранатомет

²⁰ Капитан Уильям Е Фэйрберн в этом мире, как и в нашем, начинал в Шан-

волков на флажки – а дело свое они знали лихо.

Длинной очередью из-за машины, Воронцов снова заставил попытавшихся перебежать улицу полицейских залечь, одного ранил или даже убил. Сменил позицию, чтобы не поймал снайпер, выстрелил несколько раз одиночными вдоль улицы...

Подбежавший сзади Морган хлопнул по плечу.

– Все сваливаем!

Воронцов побежал за североамериканцами в переулок, меняя на ходу магазин. За спиной – ослепительно ярко вспыхнула термитная граната, брошенная в салон оставленного ими вэна. Через несколько секунд – рванул бензобак, все осветило оранжевой вспышкой. Природа разыгралась не на шутку, ветер трепал отвороты одежды, молнии полосовали небо. Они бежали по улице по щиколотку в воде, хлещущей по тротуару.

За спиной – надсадно взвыл мотор мотоцикла – не мопеда, на каких здесь ездят китайцы, а настоящего мотоцикла с двигателем большой кубатуры.

Он развернулся, упал на колени... холодная, грязная, омерзительно пахнущая вода плеснулась чуть ли не до пояса,

хайской муниципальной полиции. Но в этом мире – он не стал готовить командос во время Второй Мировой, а перебрался в Гонконг, где со временем и возглавил полицию. Является автором первых в мире пособий по ближнему бою с использованием огнестрельного оружия, основателем боевого искусства Дефенду, основанного на дзю-джитсу. В этом мире очень уважаем, считается основателем искусства ближнего боя.

было полное ощущение, что в городе наводнение. Ошибка? Нет! Его высветил луч фары – и он пустил очередь быстрее, чем это сделали убийцы на мотоцикле. Мотоцикл с грохотом упал, фара погасла, буруном плеснулась вода...

– Направо! Нам надо вырваться к порту!

– Они нас здесь блокируют, нахрен!

Впереди – синим и красным на стенах полыхнули мигалки.

Капитан побежал направо – разбивать группу в такой ситуации последнее дело. У них и так немного шансов вырваться.

За спиной отрывисто застрочил пистолет – пулемет, в ответ залаяли полицейские Маузеры²¹. Видимо, преследующие их боевики тонга напоролись на полицейских и открыли огонь...

Что-то плюхнулось совсем рядом, в грязь – это могла быть граната, и капитан сжался, ожидая взрыва – но ничего не произошло.

– Сюда! Все сюда!

В пролом, выходящий на улицу – таща на таранном бампере мусорный контейнер вломился полицейский внедорожник с круговертью огней на кабине – для того, чтобы вспыхнуть через секунду от точного выстрела гранатомета. Вспышка в салоне, одновременно – мелкими осколками вылетели все стекла. Выглядит не так эффектно, как в кино –

²¹ Капитан Фэйрберн считал Маузер лучшим пистолетом в мире

но живых в салоне точно не осталось...

С кормы – внедорожник подпирала вторая полицейская машина. Прорваться тут – было невозможно.

– Сюда! Давайте сюда!

Они вломились в подъезд – типично китайский, пахнущий несвежей пищей, сырой, плохо освещенный, завешанный бельем. Китайцы теперь сушили белье в подъездах – снаружи воровали...

Один из американцев саданул в единственную, оказавшуюся наглухо заколоченной дверь, выругался, вскидывая автомат. Русский – въехал первым, как устроено это здание. Хлопнул по плечу Моргана, принимая командование...

– За мной. И ни звука.

Они поднялись на второй этаж. Воронцов – стволом автомата толкнул дверь с выбитым стеклом. Ночь – полыхнула молнией...

Это здание – было построено британцами и по типично британскому проекту – русские бы никогда так не построили. На все длиннющее здание – подъезда всего два и оба – по краям здания. Лестницы в подъездах – ведут на галереи, длинные галереи, закрытые бетонными плитами примерно по пояс взрослому человеку. И туда, на эти галереи – выходят двери квартир. Русские так никогда не строят – потому что так теряется много тепла. Но британцам, тем более живущим в Гонконге – эта проблема неведома...

Галерея была завалена всем, чем можно, так что непонят-

но было, как пройти. Много было велосипедов – основного транспорта нищих китайцев, они их втаскивали наверх, чтобы не лишиться ночью. Внизу, во дворе – встревоженные голоса.

Они уже почти дошли – когда из одной из дверей высунулась китаянка, по виду – проститутка. И оглушительно, как сирена – завизжала.

Твою же мать!

Шедший первым Морган – от всей души засветил ей автоматным прикладом в лицо, вломился в квартиру. Какой-то узкоглазый урод – неуловимым змеиным движением выбросил вперед руку – и согнулся пополам с пулей сорок четвертого калибра в брюхе...

– Сильно?! Сэр, сильно?!

– Переживу... – скривился Морган – дверь закройте.

Воронцов – отшвырнув с дороги ногой умирающего уroda, прошел к окну, выглянул

– За мной! Помогите ему, если надо!

Одним прыжком – он приземлился на крышу ресторана, перекатился в сторону, вскочил. Ничего. Застройка плотная, вон там можно перебраться... не может быть, чтобы на том здании не было лестницы.

Сделав рукой знак «можно», Воронцов подбежал к краю крыши, осторожно выглянул. Так и есть – полицейские. Машина перекрывала выезд из двора, двое полицейских держали в руках Маузеры с колодками – прикладами, третий –

полицейское ружье. Ни один – его не увидел. Англичане, не китайцы²²

Он вернулся назад. Его друг – выбрался из квартиры сам, но немного прихрамывал. Тот, кто бросил в него нож – знал, что делает, едва не угодил в артерию, бронежилет это место уже не защищает. Здесь много мастеров ножа... типичный признак несвободы. У свободных людей есть пистолеты

– Поживешь еще немного? Нам надо перебраться на то здание...

Морган криво улыбнулся

– Постараюсь не обоссаться перед тобой, друг...

Русский – посмотрел в глаза Сонтагу, где-то рассекшему лицо, тот кивнул – мол, присмотрю, прикрою.

– Все, двинулись...

Им удалось подняться на крышу – их никто не заметил. Ветер такой, что еще немного – и лететь можно как птицам...

– Тропический... циклон, мать твою! – прокричал один из американцев.

– Не сезон же

– Циклону пофиг!

Единственное, что в этом было хорошего – так это то, что ни один вертолетчик, ни полицейский, не военный, не рискнет сейчас летать над городом. Если бы прицепился вертолет

²² В Гонконге было два полицейских управления, английское и китайское. Китайское – по смуты легализовавшиеся триады

– им хана...

За спиной – вспыхнула перестрелка, очевидно – опять полицейские и тонг. Пусть разбираются друг с другом...

– Окей, за мной и тихо...

Североамериканцы подчинились.

Гонконг был застроен очень плотно: денег было очень много, а земли очень мало. Китайцы – способны везде создать муравейник, поэтому ни одно здание не было похоже на другое. На крышах – не предусмотренные проектом пристройки в один-два этажа, везде какие-то провода. Если сказать, что здесь опасно – значит, ничего не сказать.

Терминатора пришлось бросить – по крышам тащить за пределами человеческих сил, тем более ему осталось патронов сто – сто пятьдесят, не больше. Они перебрались по газовой трубе на соседнюю крышу, пробежали дальше. Дальше хода не было – если не считать возможность прыжка через проулок и на три этажа вниз.

– После вас, сэр... – тяжело сказал Сонтаг.

– Безумие...

Воронцов прикинул – прыгнуть можно. Вопрос в том – выдержит ли жесть на той крыше, на которую они собрались прыгать.

Жизнь решила за них... загремел автомат, молотком забарабанили пули...

– Контакт! С тыла!

Непонятно, откуда там взялся стрелок. Но он был там.

– Бойся!

Ослепительно полыхнул фосфор, его вспышку с яростными белыми брызгами огня не способен был загасить ни дождь, ни ветер...

– Надо уходить...

– Вниз! – приняло решение Воронцов! – за мной!

Их еще раз обстреляли – когда они были на пожарной лестнице. Ни в кого не попали – но рано или поздно попадут, просто по закону больших чисел, который в армии зовется законом подлости.

Под ударом приклада автомата – брызнуло в сторону стекло двери...

– В здание! Быстро!

В коридоре, зассаном, почти не освещенном, со стоящими у дверей велосипедами – настоящее столпотворение. Именно в это время понимаешь смысл выражения «китайская пожарная тревога»...

Воронцов сходу прострочил из автомата по потолку. Полетели искры, осколки стекла, освещение погасло...

– Валите все вниз! Быстро! Хо! Хо! Хо! ²³

Ломанулись по коридору. Глупо думать, что тонг сейчас не окружает дом – и в этом их единственная надежда – в панике. Может, кто и пожарных вызовет...

Грохот, крики, топот. Они катились вниз по лестнице в толпе перепуганных китайцев, света почти не было – и толь-

²³ *Пожар! (китайск)*

ко их вес и рост были им защитой. Если бы они были ростом и весом с китайцев – их бы давно затоптали...

В холле – Воронцов поймал на мушку молодого китайца в черной рабочей блузе, тщетной пытавшегося сохранить равновесие и одновременно держать под прицелом лестницу – у него было помповое ружье двенадцатого калибра. Короткая очередь прозвучала на долю секунды раньше, чем китаец принял решение стрелять – голова брызнула красным. Взмахнув руками, китаец выронил ружье и упал под ноги бегущих людей.

Выли сирены. Не приходилось сомневаться в том, что на улице – и полиция и боевики тонга.

Все моментально собрались у стены, приготовились к броску. Надо было сменить магазин, проверить сколько осталось и приготовиться при необходимости умереть...

– Значит, так... Мы с Гарри на фронте, вы трое – прикрываете нам тыл. Как только попадетсЯ подходящая тачка – рвем когти. Майк, старый пират на тебе.

– Да ты совсем охренел, дружище... – Морган был белым, как мел, но сжимал в руке рукоять револьвера – ты еще и хам вдобавок...

– Перестань. Прикроешь нас на шесть. Против нас будут копы, против тебя – тонг. Размен равноценный.

– Черт... а ты прав.

Поток китайцев уже иссякал... равно как и терпение тех, кто держал выход под прицелом.

– Ты...

– Марк, сэр.

– Остаешься здесь. Прикроешь нас секунд десять, потом выходи сам. Выйди! Спину прикрывать тебе никто не будет. Мы уйдем влево...

– Есть, сэр...

– Отсчет... три – два – один... пошли!

На улице был отряд SDU – спецотдел полиции, борьба с бандитизмом и все такое. Но даже это – не могло их сегодня остановить...

Воронцов шел первым, как только он появился – в него попали, как минимум дважды. Проблема была в том, что на нем был надет жилет – а полицейских учили стрелять в центр мишени... то есть как раз в то самое место, которое бронежилетом и прикрыто. Он удержался на ногах... хотя ощущение было как при ранении... ответной очередью заставил замолчать двух стрелков, прикрывшихся полицейской машиной, поставленной поперек улицы. Мигалка погасла, пули летели со всех сторон, сыпалось стекло. Британцы падали как сумасшедшие. Единственным их упущением было то, что они не смогли очистить улицу – тут было полно припаркованных кое-как машин, брошенных сбежавшими из-за перестрелки водителями. Они могли послужить в качестве укрытия – вот только скрыться на них было невозможно: из затора не выехать.

Уловив момент, когда Гарри сменил магазин и открыл огонь со свежим – Воронцов пробежал с десятков метров вперед и укрылся за полицейской машиной, которую только что расстрелял. Кто-то пристрелялся по нему – остатки стекол вались на него...

Бросил гранату – неважно куда, только бы отвлечь стрелка. Дождался взрыва, снова перебежал за укрытие. Посмотрел назад... определил, что сопротивляются еще только двое...

Еще один рывок – стоил ему целого магазина, приходилось стрелять и назад и вперед. Но он сумел пересечь улицу и занять позицию за пристроенным к сене ларьком, днем торговавшим лапшой. Пули его не пробивали...

От Ватерлоо – с воем поднимались полицейские машины. Их обкладывали как волков...

Кто-то с шумом плюхнулся рядом, он обернулся – Морган. Безумные глаза, автомат в одной руке, револьвер во второй.

– Все целы?

– Марка грохнули на выходе! Снайпер снял! Я сам видел...

– Сам цел?!

– Поживу! Я знаю этот район! Через курильню!

– Что?!

Вместо ответа – Морган выстрелил из револьвера в дверь. За дверью – типичная опиумокурильня – дешевая рос-

кошь, почти китч, смешение европейского стиля и азиатчина. Опиумом пропиталось все, включая драпировку на стенах и пальмы в кадках...

– Сюда!

Морган еще раз выстрелил – и вышиб дверь в непростреливаемый переулок...

Впереди стояла машина. Шоган, высокий, крепкий японский внедорожник. Самое то, если попал в неприятности.

– Сможешь?!

– Да! Держи проулок...

Потомок пиратов саданул стволом револьвера по стеклу, оно осыпалось в салон. Взыла сигнализация... как осколком стекла по нервам...

Кто-то сунулся в проулок ... Воронцов едва не выстрелил. Оказалось – Гарри, кого-то тащит.

– Кто?! – палец на спусковом крючке.

– Свои, сэр!

– Давай!

Капитан сорвал чеку с последней гранаты, бросил высоко – чтобы летела дальше. Хоть ненадолго – но тормознет...

– Готово! – радостно заорал Морган – твою мать, сваливаем!

В этот момент – в спину ударили выстрелы...

Все было как в замедленно кино. Вот Гарри останавливается и вскидывает пулемет с остатками ленты. Вот пули бьют в него, и он падает... под грузом висящего на нем тела. Вот

он сам – падает на спину... разворачиваться некогда, потеряешь время – труп, счет идет на доли секунды. Вот удар в спину – такой, что темнеет в глазах. Вот картинка... перевернутая с ног на голову... остановившийся на выезде из проулка грузовичок, пламя, хлещущее из двух стволов, из темноты салона. Вот его собственный автомат начинает стрелять, пламя, пульсирующее на пламегасителе...

Черт... как больно...

– Поехали! Валим! – высунувшись в окно – Морган палил вперед, поддерживая его огнем...

Капитан Воронцов встал... неожиданно ровно. Пошел к лежащим в грязном проулке этого грязного города телам...

– Оставь их! Они готовы!

Полицейские сунулись было в переулок – но он очередью заставил их отпрянуть обратно. И тут – охота на них вылилась в перестрелку полиции и тонга... очевидно, кто-то очень сильно хотел из убить... если послал на улицы всю мафию Гонконга...

Он не раздумывал, кого выбрать. Гарри если еще не умер, то был близко к этому... он видел, куда попали пули и сколько. А вот Майкл Сонтаг, делающий первые шаги на пути развед деятельности боец восемьдесят второй воздушно-десантной – еще мог пожить...

Воронцов нащупал пульс... есть. Приложив не столько силу... сил уже не было – сколько ненависть – он потащил его к машине. Морган стрелял в сторону улицы... и матерился од-

новременно на французском, английском и вьетнамском...

Замок задней двери поддался... стекло было выбито, он просто засунул руку и открыл дверь изнутри. Свалил тело американца внутрь...

– Поехали...

– Мать твою, псих ты долбаный!

Шоган принял с места... дизель, этот внедорожник используется в Императорской армии в больших количествах... армейские гены. Оборонительное вождение Морган знал – ударил перекрывший выезд из переулка вэн так, что тот отлетел в сторону. Внедорожник – вырвался на улицу...

Они выломались на Шанхай-стрит. Там их никто не ждал, улица не была перекрыта. С ревом и грохотом внедорожник пер по улице, спихивая с дороги подвернувшиеся легковушки и приближая их к цели – к пирсам. Только там – могло быть спасение: в прибрежных водах Гонконга сам черт ногу сломит...

Перекресток Ферри – стрит и Кантон – перекрыт полицейской баррикадой. На черных стенах домов – синие и красные блики от мигалок. За машинами – полицейские с ружьями, готовые стрелять. Хорошо, что британцы сдержанно относятся к автоматическому оружию у полицейских – у большинства БУР-303 Ишрапурского арсенала. С другой стороны – бронежилет такую пулю не удержит.

– Ну?

– Держись! – заорал Морган и втопил в пол. Впереди –

замерцали вспышки выстрелов.

Воронцов – пригибаясь к приборной доске, открыл автоматный огонь...

Проломившись через полицейское ограждение, они вылетели в портовую зону. Движок уже совсем не тянул, радиатор был пробит в нескольких местах. Пробив шлагбаум, они влетели в порт, работающий днем и ночью. Контейнеры – в несколько рядов, огромные порталы краны. И полицейские машины за спиной...

Едва разминувшись с погрузчиком, тащащим на вилах двадцатифутовый морской контейнер – избитый пулями Шоган, подняв тучу брызг, рухнул с пирса в воду...

Абердин. Так называлось это место – хотя в самом названии этом была какая-то злая усмешка. Буквально за десяток лет – Абердин превратился из достаточно обычного портового райончика, где самой большой проблемой могла быть поножовщина у бара – в место, гораздо опаснее, чем Коралл-Гейблс во Флориде...

Это было место – на границе портовой зоны, где за несколько лет вырос город на воде. Город – состоящий из джонок, старых траулеров и прочего барахла, которое в других местах просто пустили бы на слом. В этот город – не осмеливалась соваться даже полиция.

Здесь – жили беженцы. Беженцы из Индокитая, которые бежали, опасаясь за свои жизни после того, как марионеточ-

ная «Армия национального освобождения», за которой стояли японцы и китайцы – полностью захватит Индокитай. Далеко не все в Индокитае – воевали с французами, а потом и с американцами. Далеко не все – хотели объединиться в доме с восемью углами²⁴. Понимая, что пощады им не будет, и в новом государстве их ждет концлагерь – они бежали сюда, в Макао – всюду, где в Азии еще оставалась европейская цивилизация.

Пак Бао был одним из таких людей. Он был серьезно виновен перед новыми властями Сайгона – тем, что служил в Иностранном легионе, говорил по-французски, а потом выучил английский и послал своих сыновей в армию. Один из них служил в восемьдесят первом десантном батальоне – это могло служить основанием для смертного приговора всей семье. То, что он погиб под Сайгоном ничего не меняло – здесь смерть не открывала новую страницу жизни. Она всего лишь – влекла за собой месть...

В этот день – по каким-то причинам старый Бао не пошел на своей джонке за рыбой. Рыбу здесь можно было поймать, если выйти далеко в море. Здесь, в заливе она тоже есть – но

²⁴ *Дом с восемью углами – краеугольный камень японской внешней политики, предполагающий объединение всей Азии под японским началом и создание агрессивного милитаризованного антиевропейского государства. То что Японию, в сущности очень бедную и с ограниченными ресурсами страну не задавили в зародыше – в этом виновата Англия и обстановка дол конца пятидесятых, когда все ждали большой войны за Европу, Африку и Ближний Восток. Потом – стало уже поздно...*

если ее жарить, то пахнет нефтью, а если ее есть – то рождаются дети – уроды. Дети – уроды это хорошо, их можно было с выгодой продать нищим – но далеко не все люди Индокитая здесь опустились до попрошайничества и разбоя. Бао был одним из таких...

Как раз сейчас он чинил старую сеть, когда услышал какой-то звук. Жизнь научила его быть внимательным ко всякого рода звукам... по ним можно было определить, что к тебе подкрадывается смерть в лице одетого только в трусы солдата с штыком или того хуже – человека без лица, человека в костюме с черным капюшоном... такие тоже были. Другие... другие наверное вернулись бы к своей работе... но старый Бао дожил до своих лет лишь потому, что был внимателен к мелочам, на которые другие не обращали должного внимания.

Стараясь ступать как можно медленнее – джонка была небольшой, шаги человека раскачивали ее – Бао дошел до хижины, выстроенной на лодке – вьетнамские рыбаки жили на своих лодках неделями. Вернулся он – с кольцом 45 калибра. Не пистолет – а старый револьвер с укороченным до двух дюймов стволом. В отличие от пистолета – эта штука отлично работала, будучи сильно загрязненной.

Бао осторожно выглянул за борт джонки, держа револьвер наготове – и увидел там человека. Белого человека... и кажется, не одного.

– Бан ла ай? – спросил он

– Бе²⁵... – прохрипел в ответ человек...

Южно-китайское море

12 мая 1978 года

Покачиваясь на волнах – джонка старого Бао шла на юг, повинуюсь направлению ветра, упруго бьющему в поставленный парус. Гонконг – давно уже не был виден...

На корме – старый Бао довольно подсчитывал в уме прибыль. Нет, он вовсе не был из тех, кто готов в любую минуту спеть гимн и ринуться на помощь, совсем не из таких. Но у одного из белых оказались золотые монеты, настоящие золотые монеты, черт бы их побрал. Правда, на них не было чеканки, это были просто золотые кружки – но золото есть золото, верно? В этих краях – такого количества золота хватит, чтобы купить участок земли и построить на нем приличную хижину, где будет встретить свою старость...

Бао был хитрым, как и все жители этих мест – но он прекрасно понимал свои интересы даже там, где остальные их не понимали. Когда приходили белые – они смотрели на них как на собак, но они начинали строить большие дома, дороги, они нанимали их работать и белые были не такими наглыми и жадными, как эти собаки китайцы, расплодившиеся в невероятном количестве и привыкшие держаться вместе. А когда белым было что-то нужно – они платили за это день-

²⁵ Кто ты? Друг (вьетнамск.)

ги или давали что-то ценное. Японцы же были не такими. Здесь – они чувствовали себя в полном праве распоряжаться жизнями других людей. Они тоже строили – но в отличие от белых, они загоняли на работу почти бесплатно и предпочитали, если им что-то было нужно – просто отобрать это, а владельца – избить или даже убить. Подсознательно – белые чувствовали, что это не их земля, и за пребывание на ней нужно было платить. А вот японцы – считали эту землю своей, а их, жителей племен с культурой не менее древней и богатой чем у японцев – кем-то вроде крыс, пожирающих посевы. И не лучше к ним относились китайцы – хитрые японцы сказали им: вы будете нашими рабами, но все остальные в Азии – будут рабами не нашими, а вашими. Бао это понимал. Плохо, что остальные этого не понимали... хотя, судя по потоку беженцев – начинали понимать. Только поздно уже...

Бао – помогал таким. Он был одним из тех, кто выходил в море не за рыбой, а за теми, кто бежал из счастливой «сферы процветания». Беженцы – отправляясь в долгое и полное опасностей путешествие, брали с собой самое ценное, что только могли унести. И готовы были отдать это – за доставку до берега.

И эти отдали. Десять золотых червонцев. Русские, они тут не в ходу – но сдать можно. Золото есть золото...

Русский – ловко балансируя на грязном днище лодки – прошел на самый ее нос, где лежал на подстеленной циновке

бывший североамериканский начальник станции в Гонконге. Отхлебнул из парящей кружки, передал североамериканцу...

– Как ты?

Морган хлебнул, закашлялся. Они вышли в открытое море, воздух был свеж и пах солью...

– Черт... последний раз... я чувствовал себя так хреново... когда сбил нахрен быка...

– Быка? Мне кажется, бык чувствовал себя хуже.

– Сначала да... Но потом... Мне было шестнадцать. Отец только что купил новый грузовик для того, чтобы буксировать прицеп с яхтой... как сейчас помню Интер... длинный. Когда он уехал из дома на грузовике... я взял отцовский седан... и поехал к одной телке... Ее звали Кристанна... Можешь себе представить – Кристанна, мать твою...

Воронцов тоже засмеялся.

– Ты меня удивляешь, друг... По-моему... такому раздолбаю как ты... никого кроме Салли ... не светило.

Морган вяло пихнул его в бок

– Ты... не прав, дружище – с ностальгией в голосе сказал он – у каждой красивой женщины... есть парень... от которого ее тошнит... Она жила... в старом особняке у реки... там еще было большое водяное колесо. Ее отец... занимался лесом... Я завел дружбу... с собаками, которые охраняли участок ... и потому подобрался к самому ее окну... и сказал... знаешь, что я ей сказал?

– Боюсь даже предположить... что сказал даме такой идиот, как ты...

– Я сказал... эй, леди, у меня нет белого жеребца... но вон это... сойдет за него, как вы считаете? И она сказала... несомненно, мистер Морган.

– И потом вы поехали кататься...

– Точно. И черт... так увлеклись... что я и не заметил, что изгородь... которая держит скот... в одном месте... проломлена нахрен... А через пару десятков метров я... въехал в самую задницу быку весом в... тысячу с лишним фунтов, наверное..

– Да уж...

– Этот бык... нахрен... он бы убил меня... наверное.

– Ты хочешь сказать, что он остался на ногах?

– Черт... А ты как думаешь? Быка-производителя... не так то просто сшибить с ног... тем более... ехал я все таки медленно... дорога там совсем хреновая... да и леди...

– И что было потом?

– Потом... Бык ринулся на нас... черт, он уделал машину так, что ее сразу в металлолом можно. Он подволакивал ногу, и кажется... остался без хвоста... но это ему не помешало ударить нас раз десять... нахрен. Черт... Кристанна так орала... она жалась ко мне... а я думал... что я буду делать, нахрен... когда этот тысячефунтовый парень выломает дверь... и окажется в машине со своими десятидюймовыми причиндалами на башке. И в самый интересный момент...

когда я намекнул Кристанне о том, что последние мгновения жизни... можно провести с пользой... появился мистер Гордجو... владелец этого хренова быка.

– Да...

– Полный облом... так у нас говорили... батя взгрел меня так... что я потом... света белого не видел, нахрен. А потом я решил... хватит с меня... и пошел в вербовочный центр. И поступил в военно-морской флот САСШ, нахрен, потому что их военная форма показалась мне тем... что и должен носить... офицер и джентльмен.

– Да... мать твою... ты сделал правильный выбор... черт тебя дер...

Резкий, завывающий звук сирены... – полоснул по нервам – с кормы.

– Черт...

Билл Морган, потомок пиратов, поднялся на локте...

– Да нет... мой русский друг... я охрененно ошибся. И я... убеждаюсь в этом... на каждом чертовом шагу...

Два катера – хорошо были видны носовые спаренные пушки – скорострелки – шли полным ходом, догоняя их.

– Ну... друг, вот и все.

Капитан Воронцов опустил руку в воду

– Холодная...

– Брось, друг. Минутой раньше или позже... – с этими словами, Морган достал из кармана револьвер

– Перестань... не делай глупостей.

– Ни хрена... – Морган проверил барабан револьвера, снаряженный старым добрым сорок четвертым русским – ты думаешь, я в себя что ли стрелять собираюсь... Нет, нахрен... не дождетесь. Пристрелю пару бриташек... прежде чем пойду ко дну. Отомщу за... всех своих предков... повешенных британскими капитанами... за пиратство... и контрабанду.

– Заметано, друг...

– Отвлечешь их, ладно...

И тут – лодку качнуло какой-то странной, не похожей на обычную волной...

– Твою же мать!

Поверхность океана будто вздыбилась под напором неведомой, враждебной силы – и на поверхность, в облаке брызг и белой пене, совсем рядом выскочила подводная лодка. Ее обтекаемое, обтянутое черной резиной тело почти шлепнулось на воду, принимая горизонтальное положение, подымающаяся волна сильно качнула и доу и даже катера береговой охраны.

– Твою, мать, вот это круто! Мать твою, да это реально круто!

Североамериканец радовался как ребенок.

Из специального люка в надстройке – выдвинулась и установилась на британские катера береговой охраны скорострельная тридцатимиллиметровая пушка. Отдраив люки, на палубе появились вооруженные моряки в черных беретах. Колоче-яркими вспышками замигал судовой фонарь...

Ваш курс ведет к опасности. Ваш курс ведет к опасности. Внимание! Русский Императорский флот проводит учения в данном районе. Ваш курс ведет к опасности. К северу от меня опасность! К востоку от меня опасность! К югу от меня опасность! К югу от меня опасность! Всем кораблям третьих стран срочно покинуть район учений. Ваш курс ведет к опасности...

Британцы, поразмыслив, решили не вмешиваться и стали расходиться, описывая красивый полукруг и ложась на обратный курс. Очевидно, кто-то очень не хотел, чтобы из Гонконга кто-то ушел живым.

Капитан Владимир Воронцов думал об Исии. Старый... давний враг. Когда он первый раз услышал про него?

Хюэ... да, это было в Хюэ...

Это было недавно, но он уже мало что помнил. Здания, монахи... толпа... навсегда оставшиеся там друзья... память вызывала к жизни их лица, блеклые как на старых фотографиях. Многие – навсегда остались там.

Проклятый Зыонг. Это с него все там началось.

Проклятье...

Лучше бы он никогда этого не вспоминал

Но память – не давала жить, ей было тесно в голове. Память рвалась наружу...

Десять лет назад

Год крысы

Индокитай, Хюэ
07 января 1968 года

*Азардовать не велю и не советую
Но брать деньги и не служить – стыдно*

Император Петр Второй

Колониальная история мира – чрезвычайно увлекательная часть истории, и во многом – она полна загадок. При дворах императоров марионеточных государств – было мало писцов, а многие записи – уничтожались, как только к власти приходила другая династия. В цивилизованном мире – осознанный отсчет политической жизни человечества вели с древнегреческих полисов. Забывая о том, что когда в Афинах провозглашали демократию – история некоторых восточных государства уже насчитывала больше тысячи лет. Историю колониализма проходили в старших классах гимназий, но затрагивали только Африку и особенно внимательно – историю Британской Индии. Про французские владения, в период их расцвета лишь немногим уступавшие британским – почти ничего не знали. А напрасно – их история была не менее захватывающая. Если не более.

Основой Индокитая – было государство, которое какое-то время называлось Аннам²⁶. Его история начинается пример-

²⁶ Название «Вьетнам» ввел первый император последней императорской ди-

но за одну тысячу лет до Р.Х. с древних вьетских царств, население этих царств представляло собой смесь монголоидных и малайских племен. Страной правило более десяти династий, кроме того – в истории страны было четыре периода, когда она была полностью оккупирована находящимся севернее Китаем. Однако, каждый раз население поднималось на борьбу и освобождало свою страну – после чего одна из династий феодальных князей становилась королевской династией.

Европейская история этой страны (точнее, история европейской колонизации) начинается с католического монаха Александра де Рода, уроженца Авиньона, монаха-иезуита и основателя малоизвестного Парижского общества заграничных миссий, организации католической церкви, сыгравшей огромную роль в распространении христианства и колонизации Юго-Востока²⁷. Его роль в распространении христианства огромна, в частности именно он – создал современный вариант письменности этого региона, основанный на латинице. В Аннам он возвращался дважды, был приговорен там к смертной казни, но не казнен, в промежутке между двумя этими миссиями провел десять лет в Макао, а после второго изгнания – отправился еще и в Персию, где и умер в городе Исфахан. По его словам, ему удалось обратить в христиан-

настии Нгуен, правивший с 1802 по 1820 годы. Это название не приживалось в народе и до 1945 года в нашем мире простые люди называли свою страну Аннам
²⁷ *существует до сих пор, официально – преследует исключительно просветительские цели*

ство более шести тысяч человек.

В одна тысяча семьсот семьдесят седьмом году от Рождества Христова территорию Аннама сотрясло мощное крестьянское восстание, настолько мощное что была перебита практически вся феодальная знать. Из феодальных правителей юга уцелел только один человек – пятнадцатилетний принц Нгуен Фук Ань, впоследствии Император Зы Лонг, основатель последней династии Нгуенов. Он уцелел только потому, что его укрыли в своем монастыре монахи католической миссии. Впоследствии – Нгуен Фук Ань передал через Пьера Пиньо де Беэна, епископа Аدرانского просьбу о помощи, адресованную Королю Франции Людовику Шестнадцатому. Это было уже в тысяча семьсот восемьдесят четвертом году. Король откликнулся – в восемьдесят седьмом епископ Аدرانский, от имени последнего оставшегося в живых законного правителя Аннама подписал договор с Францией, известный как Версальский договор, согласно которой Аннам и его династия уступала французам ряд территорий в своей стране (примерно на тех же условиях, как и европейские селтльменты в Китае, или владения Британской Ост-Индской торговой компании – порты Аден, Карачи, Бомбей), даровал свободу внешней торговли (по факту это означало экономическое порабощение), и обещал предоставлять людей и снабжение в случае, если Франция будет вести войну на Востоке с любой французской страной. В обмен французский король представлял Нгуен Фуку Аня одну тысячу

шестьсот пятьдесят европейских солдат и четыре боевых корабля для замирения и наведения порядка в стране. Договор этот не был исполнен вследствие начала революции во Франции – но впоследствии французы часто ссылались на него как на оправдание тех или иных своих действий...

Братья Тэйшон, которые начали крестьянское восстание – победили всех своих врагов, но организовали не республику, а основали династию Тэйшон. В числе того, что они сделали – разгром королевских войск соседнего Сиама, а так же захват северной части некогда единого государства, сейчас находящуюся под сильным влиянием Китая. Чтобы было понятно – несмотря на формальное единство и наличие единого Императора, Аннам оказался разделенным с одна тысяча пятьсот сорок пятого года – юг страны контролировали князя Нгуен, а север – князя Чин. И это – при формально неограниченной власти императоров династии Ле. Этот период истории Аннама называют «аннамским сегунатом» – и в самом деле очень похоже на историю Японии, где при формально безграничной власти Императора, сына Неба, власть в стране находилась в руках военных вождей – сегунов. Именно крестьянским вождям Тэйшонам удалось покончить с разделением страны – но власть они не удержали. В одна тысяча восемьсот втором году династия Тэйшонов падет и к власти придет последний из оставшихся в живых Нгуенов Нгуен Фук Ань, ставший из фактического правителя юга законным правителем всего Аннама. Чтобы

подчеркнуть это – он основал новую столицу страны в городе Хюэ, расположенном по центру страны, между севером и югом. Понимая, насколько опасны католические монахи – в конце концов, это он прятался у них и это через них – он заключал договор о передаче в колониальную концессию части страны – одним из первых указов он запрещает христианство в стране. Но если куда-то пришли католические монахи – обычно, остановить это бывает невозможно.

В одна тысяча восемьсот пятьдесят первом году началась первая франко-аннамская война, в восемьсот восемьдесят третьем – вторая, в восемьдесят четвертом – произошла франко-китайская война, целью которой было освобождение северного Аннама, исторически тяготеющего к китайцам от власти китайского государства. Между восемьсот вторым годом и восемьсот пятьдесят первым произошло много событий. В частности – король Франции Луи Филипп отказался принять аннамское посольство и признать Аннам как государство, французский флот получил приказ оказывать всемерную помощь христианским миссионерам. Не раз – французские корабли бомбардировали побережье. В Аннаме – мученической смертью погиб не один католический миссионер, представитель Парижского общества заграничных миссий – но приходили и приходили новые. В одна тысяча восемьсот пятьдесят восьмом году Император Наполеон Третий после окончания Второй опиумной войны с Китаем и подписания Тяньцзиньского договора приказал перебросить

войска в Аннам, к ним присоединились испанские колониальные войска с Филиппин, в марте 1859 года объединенная европейская армия разгромила армию Нгуенов и захватила Сайгон, в восемьсот шестьдесят втором в Сайгоне был подписан мирный договор, согласно которому Аннам уступал Франции Сайгон и три южные провинции (эту территорию отныне стали называть Кохинхина, она была самой развитой, европеизированной и христианизированной из всех). Но так как Нгуены искали любую возможность не выполнять договор, в восемьсот шестьдесят седьмом году война возобновилась и договор был подписан на гораздо более тяжелых условиях. В боевых действиях участвовали так же королевские войска соседнего независимого Сиама – сиамская династия мстила за катастрофический разгром своих войск при династии Тайшон, а так же спровоцированное этим крестьянское восстание в самом Сиаме, в ходе подавления которого был убит император Сиама.

Окончанием колониальной войны за Аннам считается одна тысяча восемьсот восемьдесят пятый год. Французы получили огромную территорию, расположенную на полуострове Индокитай и разделили ее на три территории. Кохинхина (наиболее европеизированная и христианизированная южная часть) стала французской колонией, а Аннам и Тонкин получили статус протекторатов. Кроме того – в состав нового государства входила Кампучия. Летом одна тысяча восемьсот восемьдесят пятого года регент престола Тон Тхат

Тхюэт, правивший при императоре – ребенку Хам Нги поднял антифранцузское восстание, которое закончилось полным поражением в восемьдесят девятом. Тон Тхат Тхюэт был убит императорской охраной, когда поражение стало явным, Хам Нги передан французским офицерам. Они не убили его, а выслали в Алжир, где он женился на француженке и прожил там до конца своей жизни, не поднимая оружие против французов. На престол поставили его брата, Донг Кханя, который правил всего четыре года и считается самым презираемым императором этой династии. В восемьдесят седьмом – все страны, завоеванные французами, составили единый Индо-китайский союз, во главе с генерал-губернатором. На юге – страна граничила с раздираемым войнами и восстаниями Китаем, на западе –и с независимым Сиамом, и очень немного – с Бирмой, которая входила в состав британских владений. На Сиам не посягали ни французы, ни британцы, поскольку между колониальными владениями двух мощнейших европейских держав лучше всего быть какому-то буферу... во избежание, скажем так. Больше сухопутных границ не было, с юга и востока был океан. В восемьсот девяносто третьем году по результатам франко-сиамской войны, к территории Индокитая был присоединен Лаос²⁸.

В двадцатый век – Франция входила одним из мировых лидеров. Да, с одной стороны, революция отбросила ее далеко назад, не дав как следует закрепиться в Новом свете, и

²⁸ до сего момента все события исторически достоверны

кроме того, Франция потерпела чувствительное поражение от Германии. С другой стороны – французские финансовые дома не уступали британским, у французов были колонии и в новом веке – все ожидали разгрома германских выскочек и установления господства Франции на европейском континенте. Во Франции была установлена республика, самая прогрессивная форма правления, в то время как Германия – стояла под игом абсолютистской диктатуры Гогенцоллернов. Свет должен был победить тьму, верно ведь? Как могло быть иначе?

События Мировой войны стали шоком, они привели к перекройке карты Европы, которой не было со времен Наполеона, а так же утраты англо-санксонской гегемонии в мире, которой она достигла примерно в середине девятнадцатого века. Британская империя клонилась к закату, не в последнюю очередь благодаря ошибочной финансовой политике сильного фунта, поддерживающего высокий уровень благосостояния, но губящего промышленное производство – но британский лев все еще был поразительно силен, опытен, а Королевский флот не знал равных. Британия – одержала победу в Речной войне в начале века, пулеметами отправив на тот свет сорок тысяч фанатиков – махдистов, потеряв всего сорок человек своих. Британия оккупировала Южную Африку, хотя это и далось нелегко, Британия развивала колонии, в Британии – жили великолепные изобретатели, значительная часть технических новшеств того времени

происходила именно из Великобритании. Впервые за долгое время противостояния – Франция и Британия были в союзнических отношениях, Франция была сильнейшей державой на континенте, с прогрессивным общественным строем и отличной, передовой промышленностью. Кто мог им противостоять? Но вся эта конструкция рухнула как картонный домик, когда гениальные германские генералы нанесли Франции сильнейший удар через территорию Бельгии, а едва только стабилизировался фронт – немцы бросили в бой несчетные русские дивизии, которые к этому времени только и успели мобилизоваться – зато армия России по европейским меркам имела просто несметную численность. Едва установленный фронт – рухнул под совместными ударами русско-германской военной машины и начался позорный и катастрофический бег к морю. Британские военные историки, которым позже довелось изучать эту войну пришли к заключению, что она была проиграна в первые два месяца и то, что происходило дальше – было не более чем агонией. Британии следовало выходить из войны и заключать мир на любых, самых скверных условиях. Но Британия этого не сделала и война, вместо того, чтобы закончиться быстро – затянулась более чем на два года и привела к всеобщему ожесточению и озлоблению, а по ее итогам – превратилась из просто проигранной войны в геополитическую катастрофу.

На стороне Сердечного согласия²⁹ выступила Италия – и

²⁹ Стороны мировой войны. Объединенные силы – Германия, Австро-Венгрия,

была разгромлена. Поражение во Франции привело к полному господству Объединенных сил на континенте. Попытки отрезать Германию от снабжения по морю ничего не дали кроме озлобления – Германию теперь снабжала Россия, но в ответ на объявленную блокаду Германия объявила подводную войну. Попытки оказать помощь Турции и ударить по России с юга – привели к катастрофе в Проливах, падению Османской Империи и гибели последней надежды Сердечного соглашения – корпуса барона Китченера Хартумского под Багдадом. На юге Африканского континента германские агенты спровоцировали вооруженное восстание. САСШ – вела откровенно предательскую политику, торгуя с врагом. В этих условиях – патовой ситуации – сторонам ничего не оставалось, как пойти на мирное соглашение. Объединенные силы ничего не могли сделать на море, в то время как Сердечное соглашение – потеряло под Багдадом последние резервы для ведения наземной войны. И русские с германцами это понимали...

Еще одной – на сей раз дипломатической катастрофой – стал Берлин.

Уже более ста лет – в Европе не происходило подобного. Лишь Наполеон – позволял себе такое – да дорого поплатился за это, а больше желающих не было. В рыцарской истории Европы – границы переносились огромное количество раз, практически не было приграничных территорий, кото-

рые всегда принадлежали одному и тому же суверену. Соответственно, в случае победы одной из сторон – эти спорные территории передавались ей, до следующей войны. Но никогда со времен Наполеона, уже сто лет – в Европе не было такого, чтобы победившая сторона – предъявляла права на территорию проигравшей страны целиком. Даже когда русские казаки ворвались в Париж – они все равно оттуда ушли. Но в данном случае – германский кайзер, сухорукый Вилли, одержимый с детства идеей восстановления Священной Римской Империи – предъявил права на всю территорию Франции как древнего государства франков. В качестве обоснования он заявил, что французы сбросили королевскую династию, а раз у них больше нет Короля, и в случае аннексии всей территории Франции ни одна династия не лишается своего трона – значит, Германия имеет полное право присоединить французские земли полностью, как земли, на которых живут бунтовщики, сбросившие Короля – это необходимо для предотвращения дальнейших бунтов и мятежей. Как Кайзер Великой Германии – он не признает законности представительства французского народа и считает республиканский строй вредным и до крайности неуместным в Европе. Державы Сердечного согласия возмутились – но противопоставить этому наглому разбою было нечего. За Германией – стояла Россия с ее пятью миллионами первой очереди мобилизации и бесконечными владениями, позволяющими не зависеть от морской торговли. Германцы – отказались от

мечты колонизации Востока и предпочли включить в свой состав экономически развитую территорию европейского государства. России – осталась территория экономически отсталой Османской Империи – и возразить на это тоже было нечего. Не было сил.

Единственно, чего добились державы Сердечного соглашения – территория Франции передавалась Германии без колоний – не было передано ни одной французской колонии из второй по территории и численности колониальной империи мира. Все эти колонии – формально стали независимыми государствам. И, как подсказывал опыт Великой французской революции – заповедником французской элиты и плацдармом для возможного контрнаступления. Ведь когда во взбаламученной народным восстанием Франции – безумствовали кагуляры, а война с собственной элитой шла при помощи гильотины и совершенно безумных революционных трибуналов – именно в колониях сохранялся золотой фонд элиты – там не было ни революции, ни трибуналов. И как только очередное наступление революции выдыхалось, захлебываясь в крови – именно оттуда начиналось контрнаступление реакции. Именно оттуда приходили чиновники, и знать, которые отлично знали, кто есть кто и как обращаться с чернью.

Как только стало известно о решениях Берлинского мирного конгресса – из Франции начался исход. Корабли были переполнены, Марсель – захлестывали волны бежен-

цев. Немцы дальновидно не препятствовали, понимая, что держать на захваченной территории столь мятежный народ опасно, Германия была перенаселена и оставленная земля – не могла не найти хозяев. Основной поток беженцев шел на другой берег Средиземного моря, где остался свободным Алжир – не колония, а законная территория Франции. Но многие ехали еще дальше – в Индокитай. По крайней мере климат там был намного лучше, чем в сухом Алжире, а почва – урожайнее.

Когда стал вопрос, что делать с французскими колониями – державы Сердечного согласия решили сохранить их в качестве самостоятельных государств, субъектов международного права – а французское правительство, как правопреемник погибшей в войне Второй Республики – было объявлено в Алжире. Чтобы новые государства могли выживать в условиях жесткого разделения мира и возможного посягательства великих держав – каждому из таких государств были назначены так называемые гаранты. При этом чтобы ни у одной из стран не возникало желания превратить гарантируемую республику в собственную колонию – каждой бывшей французской колонии назначались не один, а два гаранта. Так, гарантами Алжира стали САСШ и Великобритания, а гарантами Индокитая – САСШ и Япония. Последнее – было серьезнейшей ошибкой, но по иному было нельзя. Если бы Японию не назначили гарантом азиатской части французских владений – этого бы никто не понял, и прежде всего – сама Япо-

ния. К тому же – жизнь продолжалась. Всему прогрессивному человечеству было понятно, что с Россией надо кончать, намечался раздел Китая, а потом – и русско-японская война за владения России на дальнем Востоке и в Сибири. В этом случае – англо-саксонским державам было очень важно держать Японию в орбите своих интересов и сохранять с ней связь. Лучшего способа, чем совместные гарантии Индокитаю – не было. И это несмотря на то, что между Японией и САСШ прохладные отношения были уже тогда. САСШ саботировали высадку во Владивостоке 1921 года и торговали с Россией, причем торговые караваны сопровождались военными кораблями. Душевности в отношениях с помешанной на чести Японией – это не добавляло.

Китайская колониальная война – совпавшая с русско-японской – завершилась окончательным разгромом китайского государства и разделом Китая на северную и южную части. Северная часть – отошла к России под названием Желтороссия, южная – к Японии. Несмотря на то, что Япония по итогам войны обрела огромные территории – в самой Японии войну сочли поражением, так как русским удалось разгромить наземные силы Японии и вернуть себе все, что она утратила в 1905 году, даже с лихвой. Америка – держала в войне нейтралитет, благожелательный к Японии, но в войну не вмешалась. Японцы – сочли это предательством.

В двадцать девятом году – в Индокитае произошло первое восстание под национальными лозунгами освобождения.

Япония как гарант – открыто поддержала это восстание, американцы на сей раз заняли по отношению к Японии и подерживаемым им силам недоброжелательный нейтралитет. По итогам войны – восстание было подавлено, но все понимали, что это только первая ласточка. Центром восстания был буддистский и прокитайский север – он сильно отличался от христианизированной и европеизированной Кохинхины. Единство Индокитая сохранялось – но сохранять его было все труднее и труднее. Именно в двадцать девятом году – оформились партии националистов и коммунистов – последние использовали в своей пропаганде учение Маркса и Троцкого. В сочетании со звериной жестокостью Дальнего Востока – это была гремучая смесь.

Тем временем – разваливалось Сердечное согласие. В отличие от держав Оси (новое название Объединенных сил, их так стали называть после начала прокладки стратегической железной дороги Владивосток – Берлин, через весь континент) – Сердечному согласию сохранить свое единство не удалось. Скорее всего – это спасло мир от второй мировой войны, еще более катастрофической, чем первая.

Первый разлом как раз и лег – по отношению к вопросу о французских колониях.

Как я уже упоминал, каждой колонии было назначено по два гаранта – для того, чтобы у страны, которая могла быть назначена единственным гарантом, не возникало соблазна превратить ее в свою единственную колонию. Гаран-

тами Французского Алжира были назначены Великобритания и САСШ. По умолчанию – в Алжире, как наиболее близкой французской территории к Европейскому континенту – были в основном восстановлены институты Второй республики, собрана большая часть элиты, восстановлена деятельность Национального собрания, избран Президент. Большая часть времени у новоизбранных органов власти – занимало выяснение вопроса, кто и в какой степени виноват в военном поражении. Азартно грызясь меж собой и поливая друг друга грязью через газеты и радио, политики Второй республики тащили государство на дно. В поисках союзников они не гнушались ничем – в том числе, и обращаться к местным радикалам. Те же – были связаны с египетскими Братьями – мусульманами и потихоньку – готовили в стране исламистское восстание и поголовное уничтожение всех неверных.

В двадцать восьмом году полковник военной разведки Франсуа де ля Рокк³⁰ поднял вооруженный мятеж. Он от-

³⁰ Де ля Рокк Франсуа (1885-1946) родился в 1885 году в городе Лорьян, в Южной Бретани, . Потомственный дворянин.. Отец долгое время прослужил на Ближнем Востоке и в конце своей карьеры возглавил артиллерийское управление в Военно-морском министерстве. Начинал службу в кавалерии, добровольцем перевелся в крайне опасный отдаленный гарнизон Алжира, находящийся в окружении враждебных племен. Блестяще проявил себя, практически все военные звания получил досрочно. В 1913 году – возглавил разведотдел в Марокко. Далее, в нашем мире – героически сражался на фронтах Первой мировой, неоднократно ранен и награжден, в том числе орденом Почетного легиона. К концу войны де ля Рокк являлся сотрудником французской секции Высшего военного межсоюзнического совета и курировал действия армий стран Антанты на территории от Прибалтики до Румынии, затем курировал Балканы и Малую Азию.

странил от власти законно избранное правительство, расстрелял часть депутатов Национального собрания, и ввел в стране военную диктатуру. В своем обращении к нации, он заявил, что Франция погибла от говорильни, и гибели второй Франции, Божьей волей созданной на африканском побережье он не допустит. В этом же обращении, он заявил, что одной из причин гибели Франции являлась представительная демократия, и поэтому, пока он жив, демократии во Франции не будет. Кроме того – он отказался от иностранных гарантий и гарантов и заявил, что Франция и сама может постоять за себя.

После чего Великобритания начала подготовку к военной операции против Франции. Операция, наскоро и плохо подготовленная, обеспечиваемая в основном стоящими в Егип-

После победы во Второй мировой – вместе с генералом Вейганом отправился в Польшу. Является одним из основателей польской разведки. В 1921 году вышел в отставку. Публиковал политические статьи, где резко выступал против демократии. В частности, де ля Рокк писал, что слово «демократия» его всегда изумляло, ибо правительство, управляющее от имени народа и формируемое в ходе волеизъявления каждого гражданина, которое не несет при этом никакой ответственности за содеянное, кажется ему опасным. По его мнению, у власти должны стоять образованные люди, способные отвечать за свои поступки. А основой общественных отношений должна стать идея беззаветного служения каждого гражданина обществу. В зрелые годы де ля Рокк проповедует необходимость укрепления порядка и усиления исполнительной власти. С 1932 года – президент ассоциации Огненных крестов – французских ветеранов Первой мировой. После оккупации Франции – одновременно занимал высокий пост в коллаборационистском правительстве Виши и продолжал борьбу с немцами, сотрудничая с британской разведкой. В 1943 году раскрыт и брошен в немецкий концлагерь. Умер 28 апреля 1946 года.

те и Судане туземными войсками – закончилась неожиданным и чувствительным поражением британцев от французских войск. переброску более крупных контингентов войск в регион – британцы были вынуждены остановить после того, как получили сведения о готовящемся ударе в спину со стороны войск Оси. Немцы уже готовили элитные гренадерские дивизии к броску в Африку, а русские – начали перебрасывать свои элитные части, в том числе гвардейскую кавалерию на юг, явно готовясь к броску в Индию.

Таким образом, Франция на африканском континенте избавилась от гарантов. Отношения с британцами теперь были враждебными, французы открыто говорили о том, что Британия предала их еще тогда, на континенте. А вот хорошие отношения с САСШ были сохранены. Тем более что САСШ в отличие от британцев, не только не попыталась подавить мятеж силой – но и продолжала поставки всего необходимого даже в период войны с Великобританией. Открыто помогала африканской Франции Италия, еще одна держава Согласия. Таким образом, начался раскол.

Британия отомстила САСШ почти сразу, в двадцать девятом. Когда в Индокитае начался мятеж – Япония открыто помогала мятежникам с территории Китая. САСШ заявили протест – но Британия не только заблокирована протест в Лиге Наций, но и открыто помогала Японии в период мятежа и после него. После этого окончательно стало понятно, что дорожки метрополии и бывшей ее колонии окончатель-

но разошлись.

К концу двадцатых – завершилась война в бывшем Китае. В конце двадцатых – этой войне придавали первоочередное значение все державы мира. Для держав Согласия – это был новый, огромный источник живой силы для будущих войн и одновременно – отличный плацдарм для удара по России. причем по наиболее незащищенной и незаселенной ее части – Сибири и Дальнему Востоку. Для держав Оси – это возможность еще раз проверить свои наземные силы в маневренном бою, для Германии – отквитаться за потерянные колонии и сэттльменты в Китае, а для России – еще прирастить территорию на Востоке.

Согласно секретной договоренности держав Согласия – после войны Китай должен быть разделен на зоны оккупации, и с каждой – должен был быть назначен режим капитуляций, то есть – повинностей. Кроме того – на побережье должны были сохраниться открытые города – государства, наподобие Шанхая. Так получалось, что основную тяжесть войны в Китае несла на себе японская армия, остальные державы Согласия помогали лишь небольшими экспедиционными корпусами, советниками, да поставкой Японии необходимых для войны полезных ископаемых и продовольствия – японские острова были чрезвычайно бедны и на то и на другое. Война завершилась как раз в 1929 году – но Япония неожиданно заявила, что поскольку вся тяжесть войны лежала на ней, то и территория, которую к 1929 году контроли-

ровали державы Согласия – должны были принадлежать ей, а город Шанхай – иметь не статус свободного, то есть общего города – а тоже принадлежать Японии. Очевидно, японцы припомнили североамериканцам то, что на мирной конференции по урегулированию русско-японской войны САСШ неожиданно резко и категорично выступило против получения Японией репараций с России. Тедди Рузвельта можно было понять – он не хотел полноценного выхода России на берег Тихого океана и создания в русском Китае громадного промышленного района, продукция которого могла бы доставляться по морю и конкурировать с дешевыми североамериканскими товарами – но ему не нужна была и излишне сильная Япония. Так что после победы – в победившей Японии разразился голод. И в двадцать девятом – Япония получила шанс отквитаться...

Североамериканцы возмутились – но было поздно. Британия открыто поддержала японские притязания. В обмен на это – на следующий день после заключения мира Британия получила Шанхай в аренду на девяносто девять лет и продление договора аренды Гонконга с девяноста девяти до ста сорока девяти лет. Этот дипломатический пируэт окончательно развалил Согласие – марионеточное правительство Индокитая, сидящее в Хюэ заявило о том, что больше не желает видеть Японию в составе гарантов и передает Кохинхину в аренду Соединенным штатам Америки на девяносто девять лет. Таким образом, американцы получали крупный порт и

военную базу и могли прервать сообщение между Шанхаем и Гонконгом. Британцев – это не обрадовало.

В сорок пятом году – началось второе аннамское восстание, еще более крупное и опасное. Среди мятежников – более половины составляли переодетые в гражданское китайские солдаты, а командовали восставшими – переодетые японские офицеры флота и разведки. И тут североамериканцы совершили большую ошибку. И тут североамериканцы совершили очень большую ошибку. Как известно, на побережье располагались три части Индокитая. На севере был прокитайский и буддистский Тонкин, на юге – проевропейская и в основном христианизированная Кохинхина. Между ними – длинной полосой располагался Аннам, с французской администрацией из переселенцев, в котором было всех помаленьку – и христиан, и буддистов, и представителей горных племен, которые были в основном язычниками и анимистами и ненавидели население побережья. Но подавить мятеж – было еще возможно! Вот только – разработки ядерного оружия подошли к концу, и Вторая мировая война – жарко дышала в лицо и североамериканцы – не хотели подойти к ней со связанными руками и воевать на два или более фронтов. В этих условиях, они совершили критическую ошибку – согласились на отделение от Индокитая прокитайского Тонкина и провозглашение ассоциации Тонкина, Аннама и Кохинхины. Японцы приняли это – и тут же принялись насаждать буддизм в Аннаме и даже в Кохинхине, а так же засылать

агентов и организовывать партизанскую войну. К этому времени – у японцев уже были сильные позиции во вьетнамском сопротивлении. Японцы – поддерживали сопротивление как антиевропейскую силу и говорили о том, что азиаты должны сбросить европейский гнет и жить вместе с союзом, называемом Великая азиатская сфера совместного процветания, лидером в котором будет Япония. Японцы говорили это – а многие слушали и верили. Война возобновилась уже в срок шестом году и велась за Аннам, за Лаос, за Кампучию. В пятьдесят втором, после шести лет долгой и тяжелой войны – французская администрация вынуждена была отступить. В конце концов – французов там было очень и очень немного, это был не Алжир. В пятьдесят втором году, в Париже состоялась международная мирная конференция, на которой стороны договорились о признании Лаоса и Кампучии независимыми государствами и временном разделении территории, известной как Вьетнам на две части – разделению подвергался как раз французский Аннам. Временное разделение должно было произойти по семнадцатой параллели, где создавалась ДМЗ, Демилитаризованная зона. После чего – ориентировочно в одна тысяча девятьсот шестидесятом году единство государства Вьетнам должно было быть восстановлено, должны были пройти объединительные выборы, и референдум, на котором граждане Тонкина, Аннама и Кохинхины должны были определить, при какой власти они намереваются жить – при королевской или при представительной

демократии. Вероятно, именно в этом момент – Вьетнаму не хватило своего полковника Де ля Рока. Проводить референдум и выборы в разорванной на части шестилетней войной стране, где буддисты ненавидят христиан, а христиане буддистов, северяне ненавидят южан, а южане северян, а горцы ненавидят и тех и других – так вот, выборы в такой ситуации – это лучшее средство, верно? А представительная демократия тем более.

Так получилось, что к моменту заключения мира – страна уже была расколота. На юг стекались французы, не желавшие жить в постоянной опасности, христиане, рыбаки – на север уходили буддисты, крестьяне. В Аннаме, теперь расколотом надвое – правили французы, но не напрямую, между ними и народом всегда кто-то был. Нежелание полностью взять на себя ответственность за судьбу страны, как взял ее полковник Де ля Рокк – тоже сыграло свою роль. До одна тысяча девятьсот сорок пятого года – между французами и населением стоял король, а когда в сорок пятом не стало короля – провозгласили республику и «избрали» президента. Им стал Нго Динь Дьем. Родился он в одна тысяча девятьсот первом году в семье крупного королевского чиновника, удалившегося от двора в знак протеста и в связи с несогласием с политикой Короля. По вероисповеданию он был католиком, имел профранцузские взгляды – и постепенно поднимаясь по служебной лестнице стал премьер – министром в правительстве последнего императора династии Нгуен Бао Дая. Его звезд-

ный час пришел после подавления восстания сорок четвертого года – он сумел поставить вопрос о том, при какой власти дальше жить Вьетнаму – при королевской, или при представительной демократии. Учитывая то, что представительная демократия дает больше возможностей для манипуляций – французы согласились провести референдум по этому вопросу. Референдум проходил в обстановке беспрецедентного давления, в частности нанятые Дьемом люди убивали буддистских монахов, агитировавших за монархию – это до предела обострило взаимоотношения между христианами и буддистами в стране. На референдуме 98.2 % проголосовавших высказались за представительную демократию, при том, что в Сайгоне было подано шестьсот тысяч бюллетеней при общем населении города в четыреста тысяч человек. Нго Динь Дьем стал президентом, христианским президентом в преимущественно буддистской стране, а премьер – министром сделал своего младшего брата Нго Динь Нью, который тоже был христианином и по молодости увлекался троцкизмом. Они въехали в Императорский дворец, и стали жить – поживать, править во многом чуждой им страной. Оба брата – были до предела коррумпированы и развращены и большей частью не правили страной, а занимались укреплением режима личной власти, расправляясь со своими политическими противниками, теми, которые были на самом деле, и теми, которые были ими выдуманы. Но французов правление Дьемов устраивало, потому что в отличие от Ко-

роля они опирались на католическое меньшинство и вели профранцузскую политику во всем. Младший брат женился на женщине вдвое моложе себя по имени Чан Ле Суан, она была вьетнамкой и исповедовала буддизм – но по-вьетнамски говорила с трудом, а писать и вовсе не могла. Она жила в бывшем королевском дворце и по слухам была женой обоим братьям, а так это или нет – вряд ли кто-то уже узнает. В общественной жизни страны – царило католическое насилие. В армии – продвижение получали только католики и откровенно профранцузски настроенные офицеры, в спецслужбах – католики были целиком. Это приводило к тому, что одни офицеры отрекались от буддизма и переходили в католичество, а другие – искали контактов с врагами, с прокитайским Тонкином и занимались подрывной деятельностью. Кроме того – католические священники, в основном новообращенные из местных создавали боевые дружины, получали оружие, громили и поджигали буддистские храмы, насильственно обращали в католическую веру крестьян. а кто отказывался – расстреливали на месте или сжигали в собственных домах вместе со своими семьями. Все это творилось в Аннаме, в Кохинхине такого не было, но Кохинхина и была в основном христианской, а вот в Аннаме шла жестокая религиозная борьба. И все это – коррупция, преследования буддистов, разврат, сомнительная легитимность власти – играла на руку Тонкину и готовила почву для сильнейшего социального взрыва.

Он произошел на следующий год после Парижских договоренностей.

Одиннадцатого мая шестьдесят третьего года потрепанный голубой седан остановился на перекрестке бульвара Фан Динь Фунг и улицы Ле Ван Дует в Сайгоне. Машина ехала медленно, за ней – пешком шла процессия, в которой было около трехсот пятидесяти монахов. До этого – иностранные корреспонденты в Сайгоне были оповещены о том, что им надо быть в этом месте и в это время, так как произойдет что-то необычное – так что перекресток к моменту акции был полон, движение остановилось. Из машины вышли три буддистских монаха, старшим среди которых был Тхить Куан Дык. Он был довольно высокопоставленным членом буддистской общины и надзирал за строительством новых храмов. Один из монахов, сопровождавших его, положил на асфальт подушку. Дык сел на подушку и второй монах вылил ему на голову пять галлонов бензина из канистры, которую достал из машины. После чего – Дык прочитал молитву, чиркнул спичкой и поджег себя. Один из монахов заорал в мегафон: «Буддийский священник сжигает себя. Буддийский священник становится мучеником.» За месяц до этого, в праздник Весак (день рождения Будды) армия и службы безопасности открыли огонь по процессии буддистов, убив девять и ранив несколько десятков человек. Массовые беспорядки охватившие после этого страну, уже было пошли на убыль – но после самосожжения Дыка – возобновились с

новой силой. Самосожжение совершили еще несколько буддистских монахов.

Вскоре после этого – произошел государственный переворот, в ходе которого оба брата Дьем были убиты. Их расстрелял на дороге в Таншоннат, североамериканскую военную базу в Кохинхине капитан Зыонг Ван Минь, судя по всему – без договоренности с организаторами переворота. Просто остановил БТР, на котором везли связанных братьев, и пустил каждому по пуле в голову. После этого – он в течение двух месяцев возглавлял Вьетнам, пока не был отстранен главнокомандующим Нгуен Кханем в ходе бескровного переворота. Очевидно, шла борьба между североамериканцами и французами за власть.

За переворотом и убийством Дьемов явно видны руки разведывательной службы САСШ. САС довольно долго избегали прямого вмешательства в конфликт. Им принадлежала Кохинхина, наиболее европеизированная и христианизированная часть Вьетнама, а между Кохинхиной и Тонкином – лежал французский Аннам, который и стал основным яблоком раздора. Однако, к началу шестидесятых стало понятно, что остаться в стороне от схватки не удастся и опасность угрожает самой Кохинхине. Проанализировав ситуацию, американцы сделали вывод, что основным раздражителем является режим Дьемов и французы, поощряющие агрессивный католицизм и раскалывающие страну. Следовательно, стоит только убрать Дьемов и призвать к поряд-

ку французов – и все будет в порядке. Анализ был правильный – вот только несвоевременный. Страна имела за спиной восемнадцать лет ненависти, антиевропейской пропаганды, притеснений и просто сказать: окей, ребята, а сейчас мы начнем все сначала – было уже недостаточно. К тому же – убийство Дьемов и вообще – активная экспансия североамериканцев в Кохинхине вызвала неприятие и противодействие французской общины. Тогда мир был совсем другим... мир где господствовали белые и никто даже не рассчитывал возможности того, что кто-то другой может взять верх. Белые могли ссориться между собой – но это были белые дела, дела для белых, счета белых. Про то, что кто-то может воспользоваться этим и поднять восстание, и смести всех и правых и виноватых – никто даже и не думал.

Североамериканцы послали сначала четыре тысячи военных советников, потом двенадцать тысяч. Потом – дивизию морской пехоты. И так, в течение буквально нескольких лет, численность контингента североамериканской армии в регионе перевалила за триста тысяч человек. Поводом к общему вторжению североамериканцев – стала провокация в Тонкинском заливе, когда разъяренные и подогретые антиевропейской пропагандой буддисты (а возможно и японские солдаты, затесавшиеся их ряды) атаковали стоящий в гавани Хайфона американский стационар. А потом, когда сыграли тревогу и корабль вышел в море – преследовали и обстреляли его еще и в море. Все это – послужило поводом для ши-

рокомасштабного вторжения североамериканцев в Индокитай – которое, как потом оказалось, уже ничего не решало.

Казалось бы, полномасштабное вторжение североамериканцев на территорию, которую Японская империя еще в конце сороковых совершенно определенно отнесла к территории «Сферы» должно было вызвать полномасштабную войну в Азии. Однако, не вызвало (возможно, если б вызвало, было бы и лучше). У североамериканцев – был в рукаве козырь, который они бросили на стол в самый последний момент – и который смешал игрокам за столом все карты, превратив короткую и жестокую войну с определенным победителем и проигравшим в конце – в нечто катастрофическое, в нечто бесконечное, чему не видно ни конца, ни края, и что причиняет бесчисленные страдания многим миллионам людей – и даже самые умные люди на земле не знают, как это все прекратить.

В шестидесятом году – произошла встреча на высшем уровне Императора России и Президента САСШ. Она произошла во Владивостоке, городе, который многие называли «русским Сан-Франциско» и новым фронтиром. На этой встрече, во многом исторической – были закрыты счета, существовавшие со времен Великой войны и подписан договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. По нему, в частности – американские промышленные тресты допускались к разработке богатств Сибири и строительству промышленности вплоть до Урала, а американские верфи

– получали заказ на четыре сверхтяжелых атомных ударных авианосца для русского флота, причем два должны были быть построены в САСШ³¹, а оставшиеся два – на верфях, которые американские инженеры должны были построить во Владивостоке. Американцы и до того участвовали в индустриализации России – но на вторых ролях, потому что после Великой Войны преимущества были предоставлены Германии. И отказаться от них было нельзя, поскольку Россия была внутренне слаба и отказ мог послужить основанием для образования антирусского, англо-германского блока. Сейчас же – американцы получили права равные с немцами, и это значило, что Россия достаточно сильна, чтобы уже не быть придатком Великой Германии.

К договору было заключено несколько секретных протоколов. Один из них – предусматривал, что если Япония нападет на одну из стран, Россию или САСШ – другая сторона обязана прийти на помощь, но только по просьбе страны, подвергшейся нападению. Согласно другому – Россия признавала себя гарантом сохранения христианства в Индокитае и признавала невозможным ликвидацию Кохинхины как христианского государственного образования в регионе. В этом случае – Россия выступала в привычной для себя роли защитника христианства – хотя в данном случае мотивы бы-

³¹ *Ничего такого в этом не было, например крейсер Аврора – был построен для русского флота на американских верфях. И это лучше, чем как сейчас не иметь нормальных авианосцев вообще.*

ли сомнительными, ибо в Кохинхине не было православия, а было католичество, относившееся к России крайне негативно. Но и у России в данном случае были свои враги – Япония – и свои интересы. Таким образом, Япония, когда пришла пора действовать, обнаружила, что над ее китайскими владениями нависает Российская Империя, готовая пойти в наступление с севера. Не вызывало сомнений то, что Североамериканские соединенные штаты призовут Россию на помощь в случае начала большой войны, а Россия на помощь придет. Таким образом, открытая война исключалась, и у Японии оставался только один выход – долгая, партизанская война на истощение, без явного вмешательства со своей стороны в ситуацию в регионе – чтобы не дать САСШ повод бомбить бывший Китай, а то и Метрополию. Кроме того, перед игроками – Англией и Японией встала чрезвычайно сложная политическая и геополитическая задача – разрушить союз России и САСШ и сделать так, чтобы в случае нападения на одну из стран Тихоокеанского союза – она просто не захотела бы обращаться к другой за помощью.

Эта задача – уникальная по сложности, кстати – была успешно решена только к 1980 году.

Но пока – на дворе был год одна тысяча девятьсот шестьдесят восьмой. Год беспокойного солнца...

Это был год крысы по вьетнамскому Лунному календарю. Год беспокойного солнца, как его называли другие. Год на-

чала конца...

Это была его вторая командировка в Индокитай – во время первой он работал под чужим именем, и ему хотелось надеяться, что он остался не раскрытым противником. Возможно, так оно и было – потому что его не похитили и не убили до сих пор. Хотя возможностей к этому было предостаточно. Эту командировку он работал официально, как флота капитан – лейтенант Владимир Воронцов, подданный Императора Российского. Член миссии военных наблюдателей Парижской контрольной комиссии. Теоретически – лицо, защищаемое международным правом и потому – неприкосновенное. Практически – война уже перешла в ту стадию, когда обе стороны озверели, и от любой из них – можно было ждать всего, чего угодно. Поэтому, помимо положенного ему по чину пистолету, он обычно носил еще пистолет пулемет, пряча его под одеждой и в сумке. И гранату – хотя бы для себя.

Он жил в Хюэ, столице Аннама, которая располагалась почти по геометрическому центру некогда единой страны, недалеко от проклятой пятнадцатой параллели. ДМЗ – демилитаризованная зона. При произнесении этого короткого и емкого термина – смолкали разговоры и повидавшие виды мужики умолкали и заказывали еще по одной, чтобы выпить не чокаясь. За тех, кто навсегда там остался...

Это был шестьдесят восьмой, год беспокойного солнца. Год, когда молодежь многих стран вышла на улицы сво-

их городов, чтобы сказать – нет войне! Год, когда в Париже протестующие – восстали против порядков, навязанных стране Германией, ставшей Священной Римской Империей. Год, когда в полную силу творили легендарные Битлз, самая успешная рок-группа всех времен и народов – группа распадется в семидесятом, когда станет понятно, что нет... нет выхода впереди. Гремел «Клуб одиноких сердец Сержанта Пеппера»³². Год, когда по всем Североамериканским Соединенным Штатам – поднялось движение хиппи, чтобы скончаться так же неожиданно и быстро пару лет спустя. Год свободной любви, которую пытались противопоставить накаты-ваущему на мир безумию.

А здесь – это был год тяжелейшей войны. Год, когда президент САСШ отдал приказ – бомбить, бомбить и бомбить. Бомбить, пока не сдадутся. Вбомбить их в землю. Это был год, когда численность североамериканского контингента в ЗАПТОЗ, западной части тихоокеанской зоны достигла трехсот шестидесяти тысяч, максимума за все время войны. Помимо североамериканцев – в Индокитае были развернуты русские морские пехотинцы, их численность тоже росла и достигла восьмидесяти тысяч человек. В Индокитае они были известны под общим позывным, который знали и американцы – позывной этот стал легендой. Все русские – рабо-

³² *Клуб одиноких сердец Сержанта Пеппера – поступил в продажу 01 июня 1967 года. Восьмой альбом Битлз, считается самым популярным рок-альбомом всех времен и народов*

тали под позывным «Спутник»³³.

И не все, кто работал здесь... не все, но многие понимали, что здесь – точка излома. Точка излома в судьбе того мира, который строили их отцы и даже деды начиная с начала века. Мира, в котором властвуют белые – если они уйдут отсюда, это будет не так. Но в этом мире – было и нечто хорошее, некие рамки, за которые не переходил никто. Здесь – их перешли... наверное, все без исключения. И все понимали, что если случится новая Великая война, приказ «бомбить, бомбить и бомбить» будет отдан снова...

И будут бомбить...

Капитан Владимир Воронцов жил в старом квартале Хюэ под своим собственным именем. Для своего титула – а он был потомственным дворянином и князем – он жил скромно, снимая третий этаж в некогда шикарном городском особняке, принадлежащем бывшим придворным последней династии Нгуенов. Сейчас в доме жила мадам Ла, пожилая, веселая и общительная вдова, вьетнамка, но с примесью французской крови. Она была буддисткой, но знала и уважала христианскую веру, в ней была большая примесь китайской крови, в двадцать лет она вышла замуж за шестидесятилетнего придворного, вскоре похоронила мужа и еще больше десяти лет пробыла при дворе в качестве вдовы. Затем, после восстания сорок пятого года и падения династии Нгуе-

³³ В нашем мире Спутник – тоже легенда. Это позывной учебного центра морской пехоты на Северном флоте.

нов – она жила в городе, имела какой-то доход с принадлежащих покойному мужу плантаций, ходила на рынок и развлекалась, как развлекаются все женщины на закате жизни – сплетнями, слухами и пересудами. Ходили слухи, что она как то связана с Вьетконгом, сетью террористического сопротивления – но слухи оставались только слухами.

Капитан Воронцов снимал у нее весь третий этаж. Вообще то, она неохотно пускала гостей – но капитан видимо очаровал ее своими манерами и своим знатным, очень высоким происхождением – из высшего слоя русского потомственного дворянства. Платил за постой он не так много – около ста долларов за месяц, это примерно сто восемьдесят тысяч пиастров в пересчете на существовавший тогда курс. За эти деньги – он располагал всем третьим этажом особняка, состоявшим из двух огромных комнат и большой террасы, откуда открывался вид на живописную улицу старого Хюэ. Кстати, особняк этот – был не совсем особняком. Если вы не знакомы с архитектурой тогдашнего Хюэ – то скажу, что строились тогда очень плотно, и даже дорогие дома – имели общие стены с соседними домами, а их ряд и ряд домов напротив – образовывал улицу. Дома строили не по единому проекту, совершенно разные и рядом с двухэтажным домом мог стоять пятиэтажный, у которого общие с двухэтажным только две стены, а рядом с шикарным особняком – китайский владелец дома мог открыть на первом этаже лавку колониальных товаров., отчего у дома будет не протолкнуться.

Сейчас обычно такую застройку называют английским словом «таунхаус» – но тогда такого слова не знали. Да и не бывает таких таунхаусов, когда рядом с пятью этажами – два, а на первом этаже то тут, то там – лавки.

Но там – так оно и было.

Капитан Воронцов за год с небольшим привел в порядок дом, чем окончательно покорила вдову, повесил везде стальные ставни и сменил электропроводку – прежняя была постоянной угрозой пожара, особенно в условиях такой сырости, какая была в Аннаме и в Хюэ. Капитан вел скромный и даже скучный образ жизни – он просыпался рано утром, делал зарядку, потом уезжал на работу, возвращался иногда в шесть часов вечера, иногда за полночь, иногда и вовсе на следующий день. В Хюэ было немало борделей, в том числе великосветских, и было немало бывших придворных дам, в которых причудливо смешивалась французская, китайская и аннамская кровь, и которые с большим удовольствием пошли бы в содержанки. Коллеги капитана по контрольной комиссии, ошалев от обилия доступного, изысканного и недорогого секса отрывались, как могли, имели походно-полевых жен, некоторые и не по одной, не вылезали из борделей, многие болели дурными болезнями. Но капитана никто и никогда не видел с местными женщинами, он никогда не приводил женщин к себе на квартиру, ни доступных, ни относительно недоступных. Мадам Ла он показал фотографию своей жены и объяснил, что очень любит ее и не хочет ей изме-

нять – это было после того, как мадам Ла по сердобольности души активно взялась за устройство личной жизни нелюдимого капитана. Здесь – верность никогда не была в большом почете, но больше мадам Ла устройством личной жизни капитана не занималась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.